

Юрий Теплов

СПАСЕННОМУ РАЯ НЕ БУДЕТ

Книга первая. Воскресший утопленник.
Трилогия

Юрий Теплов

**Спасенному рая не будет.
Книга первая. Воскресший
утопленник. Трилогия**

«Издательские решения»

Теплов Ю. Д.

Спасенному рая не будет. Книга первая. Воскресший утопленник.
Трилогия / Ю. Д. Теплов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858311-7

Главный персонаж трилогии — подполковник запаса Алексей Усольцев. Это человек, не чурающийся дружеских застолий, знакомств с женщинами, любитель туристических походов и рыбалок. В один из дней он уехал рыбачить на остров, а вернувшись домой, узнал, что его похоронили. Все, что происходит с ним после этого, — странные сны, появившиеся способности читать чужие мысли и исцелять людей — интригуют читателя, желающего узнать, что с ним приключилось и что произойдет дальше с воскресшим Утопленником.

ISBN 978-5-44-858311-7

© Теплов Ю. Д.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Остров	8
Перестроечная командировка	33
Покушение	42
Финансовая дама	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Спасенному рая не будет Книга первая. Воскресший утопленник. Трилогия

Юрий Дмитриевич Теплов

© Юрий Дмитриевич Теплов, 2018

ISBN 978-5-4485-8311-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

На плоской вершине горы Олион, омываемой волнами Большого океана, собрался Совет Хранителей мудрости. Каждый из них возвел защитное поле, что означало: мысли должны быть озвучены персоналиями, чтобы не возникло предварительного взаимовлияния.

– Какова вероятность гибели планеты после столкновения с гигантской кометой? – спросил Верховный Хранитель, обращаясь к звездочетам, одетым в малиновые балахоны с белыми шестиконечными звездами.

– Девяносто из ста, – ответил старейшина.

– Каким временем мы располагаем?

– От трехсот до пятисот лун.

– Есть ли в ближайших галактиках планета, пригодная для жизни?

– Да, мудрейший. По условиям обитания планета схожа с Аэолой. Прогнозы благоприятны.

– Отправляйтесь в башню и займитесь расчетами.

Звездочеты поклонились и вышли из зала мудрецов.

– Высказывайтесь! – урюмо проговорил Верховный Хранитель.

Первым взял слово Айрис, признанный авторитет по космогонии.

– Я не изменил своего мнения: мы должны покинуть Аэолу. К путешествию все подготовлено. Энергия Вселенной в накопителях. Корабли ждут отправки в Желтой пустыне. Планета заселена четвертым и пятым поколением биогенов. Они называют себя зонами. От путешествия отказались лишь Хранители Снов. Они остаются в лабиринтах Поднебесья, недоступных для непосвященных. Катаклизмы их не коснутся.

– Дайте картину катаклизмов.

– Расчеты показали, что произойдет разлом материка. В разлом хлынут волны, превосходящие вершину Олиона, и уничтожат все живое. Океан займет большую часть суши, в том числе Желтую пустыню, плодородные холмы поселенцев и оазисы оракулов. Возвышенная равнина Аурави, столь благоприятная для обитания, превратится в полуостров. У подножия Поднебесья сила океана иссякнет.

– Что произойдет, если Аэола избежит прямого столкновения?

– Взаимное притяжение сместит магнитные координаты. Теплые воды покроются льдом, и жизнь в регионах замрет на многие века.

– Есть ли в этом случае шансы уцелеть биогенному виду?

– Часть поселенцев уцелеет. Оставшиеся в живых станут свидетелями сохранения планеты и галактики в целом. Полуостров Аурави может стать центром расселения и распространения биовида. Учитывая такую возможность, мы оставили на планете тысячи посланий тем, кто сможет их прочесть, достигнув достаточного уровня цивилизации.

Поднялся с ложа самый молодой член Совета мудрецов – Уайлис. Он лишь недавно отметил свой первый жизненный цикл, равный столетию. Коллеги не особо жаловали его за прямолинейность и бескомпромиссность суждений.

– Специалист по космогонии не захотел озвучить один аспект. Мы обязаны с абсолютной точностью знать, что произойдет с Аэолой. Для этого необходимо сохранить информационное поле. Особи с искусственным интеллектом не способны воспринимать и передавать сигналы. Значит, на планете должны остаться те, кто может это делать.

– Кто? – урюмо потребовал Верховный.

– Те, кто нарушил заповеди Мудрецов и вступил в связь с женищинами-зонами. Их трое, включая вашего сына.

– А если бы речь шла о вашем сыне? – вмешался Айрис, чей отпрыск тоже попал в число нарушителей.

Уайлис не обратил на его возглас внимания, продолжал:

– Цель оправдывает эту жертву. Мне известно, Мудрейший, что у вашего сына и сына Айриса появились дети с капсулами памяти азолов. В случае сохранения планеты, они, тоже могут стать частью информационного поля. Я сказал всё, Верховный...

Тот некоторое время сидел задумавшись. Затем обвел тяжелым взглядом членов Совета и произнес:

– Разблокируйте поле!

В зале повисла живая тишина, в которой роились и разбегались мысли присутствующих. В них не было единства, более того, отдельные полнились смятением. Даже мудрецы подвержены житейским слабостям.

Верховный Хранитель мудрости поднял руку:

– Решение принято. Готовимся к переселению. Нарушившие заповеди остаются на планете...

Остров

1

Алексей проснулся от холода и от ощущения, что проспал. Хотя рассвет лишь пробивался в палатку, и полновесная рыбацкая заря была впереди. И все же что-то было не так.

Он нащупал у входа болотные сапоги, стал их натягивать. Они не лезли, будто усохли за ночь на три размера. Включил фонарик и обнаружил, что и штаны усохли: не доходят даже до щиколоток. Еще раз попытался натянуть сапоги – не получилось.

Вчера после полудня он прибрел к этой островной заводи на Оке, укрытой от чужих глаз ивняком и камышом, затаборился и успел дотемна поймать четырех лещей. И штаны вчера были до самых пят, и сапоги впору. И ночь обещала быть теплой, а вон как задубарило. Да и себя Алексей ощущал непривычно, ровно бы видел со стороны.

Он достал из палаточного кармана кнопочный нож. Откинул острое лезвие и без колебаний отчекрыжил длинные резиновые голенища. Получились галоши. Но и они не налезали, пока не убрал фетровые стельки и не разрезал задники. Он проделал эту операцию, не задуываясь и не пытаясь объяснить себе, что же такое сотворилось с его рыбацкими шмотками.

Над рекой лоскутно шевелился туман. Было зябко. Три заброшенные на ночь закидушки стояли с обвисшими колокольчиками. Алексей снял с рогули ближнее удилище, попытался вытянуть лесу. Не тут-то было – зацеп! Две другие закидушки тоже не поддались подмотке – намертво сидели в реке, хотя дно в заводи было чистое. Чтобы освободить зацепы, надо лезть в воду. Процедура не из приятных: без ста граммов и костра не обойтись – колотун забьет.

Сушняк, заготовленный с вечера, оказался весь пропитан влагой. Дождя между тем ночью не было. А может, был?.. Алексей извел полкоробка спичек, пока заставил сырье загореться. Поискал в рюкзаке бутылку – она исчезла. Не может быть, чтобы вчера выпил и запомнил. Или дома забыл?.. Решил сварить уху, чтобы горячего хлебнуть. Вытянул садок из воды. Вместо лещей в нем болтались четыре рыбьих скелета.

Что-то все же ночью произошло. Но что? Землетрясение?.. Откуда ему взяться под Москвой?.. Сапоги ужались, штаны съежились, бутылка пропала, рыбу какая-то сволочь до костей обглодала. В общем, полный облом, и надо сматывать удочки. Однако все равно придется ждать ночи. Не маячить же на людях в коротких штанишках и резиновых опорах!

Была почти полночь, когда Алексей добрался до своего дома в Лефортово. Но в подъезд попасть не смог, вход перекрывала новая металлическая дверь с кодовым замком. Вчера этой двери не было. Поставили видно сегодня, не предупредив жильцов. Жилые квартиры начинались со второго этажа, никому в окошко не постучишь, чтобы узнать код. Не меньше полчаса топтался Алексей перед дверью, пока из подъезда не выпорхнула припозднившаяся парочка.

Лифт не работал. На пятый этаж он взобрался, шагая через две ступеньки. И не вспомнил об одышке, одолевавшей его последние два года. Уже возле своей двери обнаружил пропажу: ключей в кармане не оказалось. Дверной звонок неделю назад вышел из строя, пришлось стучать. Сперва тихонько, затем сильнее.

Никто не отозвался. Не могло быть, чтобы дома никого не было: у жены учительские каникулы, уехать никуда не могла, да и сыну завтра на работу. На всякий случай вдавил кнопку звонка и услышал незнакомую трель. Позвонил еще раз. Скрипнула дверь спальни. Сонный голос жены спросил:

– Кто там?

– Я, – откликнулся он.

– Кто вы?

Это не лезло ни в какие ворота!

– Мужа не узнаешь?

За дверь повисла странная тишина. Наконец, прервалась еле слышным:

– Кто там?

– Открывай, черт возьми!

С той стороны раздался тонкий заячий вскрик. Затем что-то глухо стукнуло. Алексей заколотил в дверь.

– Чего барабаните? – услышал он голос сына.

– Олег, это я, – сказал Алексей. – Открой.

– Папа? – неуверенно и с заминкой переспросил тот.

– Кто же еще! Что у вас происходит?

– Подожди. С мамой плохо. Я ее в кресло усажу.

Ждать пришлось долго. Сначала из-за двери доносились лишь шевеление и бубнящий голос Олега. Потом он уставился в глазок.

– Открывай, Олег! – приказал Алексей.

Ключ дважды повернулся в замке. Дверь открылась. Жена сидела в кресле и с жутью глядела на Алексея. Сын стоял с молотком в руках и пытался загородить ее. Лицо его было бледным и даже испуганным.

Сбрасывая рюкзак, Алексей шагнул через порог.

– Не подходи, – хрипло произнес Олег.

– Ты что, с ума сошел?

– Перекрестись!

Алексей изумленно поглядел на сына. Мелькнула и пропала мысль, что тот стал ниже ростом. Перевел взгляд на жену: она медленно сползала с кресла.

– Перекрестись! – закричал сын.

В растерянности Алексей неумело перекрестился. Молоток выпал из рук Олега. Он опустился перед матерью на колени, стал похлопывать по щекам. Она приоткрыла глаза. Скользнула испуганным взглядом по все еще стоявшему в дверях Алексею. Задержалась глазами на резиновых опорах. И снова по-заячьи взвизгнула.

– Может, ты все же объяснишь, что случилось, Олег! – потребовал Алексей.

– Что-что!.. Похоронили мы тебя – вот что. Еще в июне похоронили!

Олег дал матери успокоительные таблетки и отвел ее в спальню. Затем прошел вслед за отцом на кухню.

– Садись и рассказывай по порядку, – велел ему Алексей.

– Дай в себя придти, отец.

– Валяй. Борщ есть в доме?

Олег достал из холодильника кастрюлю, поставил на газ. Выудил из нижнего отсека поллитровку, хлеб, помидоры. Налил по полстакана. Дернулся чокнуться, но передумал. Выпил залпом. Алексей поднес стакан к губам и почувствовал непривычное отвращение. Отставил.

– Ну, рассказывай, – напомнил.

– Ты бы лучше сам рассказал, где был.

– На рыбалке.

– Два с лишним месяца на рыбалке?

– Не городи чушь, Олег.

– Какая чушь! На Котляковском кладбище твоя могила. И крест с фамилией. Твой друг Рязанцев памятник заказал.

– Ты это серьезно?

– Серьезней некуда.

- Какой сейчас месяц, Олег?
- Сентябрь.
- Не может быть!
- Вон календарь, посмотри. Да и видал, наверно, деревья желтеют.
- Кого вы хоронили-то?
- Откуда я знаю!

Сын снова плеснул в свой стакан. Глянул вопросительно на отца и его нетронутую водку. Тот отрицательно качнул головой. Но пригубил, опять почувствовав отвращение.

– Мы тебя трое суток с рыбалки ждали. Потом заявили в милицию. Объяснили, что ты на Оку рыбачить поехал. Через неделю меня вызвали на опознание: выловили утопленника. Распухший, разбухший, пол-лица нет, разве опознаешь? А лодку твою нашли возле Белоомута. Ее не спутаешь, она с красными заплатками и веревками из парашютных строп. В лодке была твоя панама. И даже пустая бутылка из-под старки.

– Разве я брал с собой лодку?

– Меня не было, когда ты уходил. А как старку в рюкзачный карман затолкал – видал вечером.

– Дома нет лодки?

– Нет. Не могла же она сама испариться. Между прочим, исчез и твой трофейный браунинг с патронами. Ты его из первой афганской командировки привез. Ментам я не сказал про него.

Дамский браунинг Алексею подарил командир отряда «Каскад». Тогда каскадовцы только вернулись с реализации. Так назывались их рейды через пакистанскую границу для реализации разведданных. Они приволокли с собой полные карманы афганских бумажных денег и голову погибшего старлея. Тело утащить не смогли – уходили по горам с боем. А голова – доказательство, что человек не в плену, а погиб при исполнении. Значит, похороны с почетом, а семье – пенсия и льготы... На поминки по старлею и попал Алексей. Пили контрабандную водку. Она отдавала бензином, потому что бутылки из Союза перевозились в емкостях с горючим. В тот вечер расслабившийся командир и подарил Алексею дамский браунинг...

Куда же он мог деться из ящика письменного стола? Перед рыбалкой был на месте, это точно. Алексей вытаскивал его, перебирал патроны. А что потом? Зачем-то дамская пушечка ему понадобилась. Но вот зачем?..

– А дальше? – спросил он сына.

– Тебе лучше знать, что дальше.

– Я ничего не знаю, Олег. Вечером залез в палатку, утром проснулся.

Сын полоснул его недоверчивым взглядом и потянулся за бутылкой.

– Понимаю, Олег. Трудно поверить, что человек проспал, чуть ли не все лето. Но так получается... Думаешь, что я загулял?

– Кто тебя знает... Ты хоть видел себя в зеркале?

– Нет. А что?

– Ты же седой был и лысоватый. А сейчас ни одной седины и кучерявый. И выше стал, меня перерос. Да и помолодел. Мистика, б-блин! Пойди, поглядишь.

Из зеркала на Алексея глянул русоволосый мужик под сорок, хотя свои полвека он уже разменял. А выглядел перед рыбалкой и того старше. Исчезли темные подглазья, разгладились морщины. И действительно, вытянулся...

Вдруг ему показалось, что, кроме своей резко помолодевшей физиономии, он видит в зеркале что-то еще, там, позади себя. Услышал слабый щелчок, ровно бы щелкнули выключателем. Его отражение помутнело. Лицо вмиг постарело и стало более знакомым. Обозначились лобные залысины и две складки от крыльев носа.

Он лежал совершенно голый, опутанный незаметными проводками. В голове было пусто и гулко, как в новой, приготовленной к заселению квартире. Рядом с ним сидела женщина в переливающейся голубоватой одежде. У нее была слегка вытянутая к затылку голова с волнами зеленоватых волос, и смуглое лицо, на котором выделялись большие глаза с кошачьим разрезом. На лбу темнело пятнышко, как у индийской танцовщицы.

Женщина незаметно переместилась к плоскому пульту. Беззвучно прошила пальцами по невидимым клавишам. Пустая квартира ожила, в нее ввалились деловые новоселы. Голова Алексея стала заполняться звуками, они накатывались и откатывались, пока не обрушились девятым валом, и все потонуло в грохоте...

Из зеркала на Алексея смотрел моложавый сорокалетний мужчина.

– Убедился? – спросил Олег.

– Н-да, – произнес Алексей. – Чертовщина!

– Ты пока в спальню не ходи. Я сначала сам поговорю с мамой, пускай приучается, что ты жив.

– Ладно. Мне еще ополоснуться надо...

Жена лежала тихо, как мышка, отодвинувшись к самому краю семейной кровати. Делала вид, что спала. Алексей тихо разделся и лег с другого края. Смотрел в белеющий потолок и силился вспомнить, что же такое ему привиделось там, в зеркале. Что-то зеленое, связанное с его любимым островом. Он часто рыбачил на нем. С берега к нему вела почти незаметная песчано-галечная подводная коса. Летом по ней можно было спокойно пройти к острову в сапогах или засучив до колен штанины. Он и выбирался с него сегодня, разувшись... Что же там произошло? Как его лодка оказалась возле Белого омута? И кто, наконец, спёр браунинг?..

– Может, ты мне объяснишь свои фокусы? – услышал он голос жены.

Напрасно Олег беспокоился, что мать будет бояться несостоявшегося покойника. Судя по голосу, она уже пришла в себя. Спросила требовательно, как и положено школьному завучу.

– Фокус в том, что я ничего не знаю, – ответил Алексей.

– Так я и поверила!

– Твое дело.

Она обиженно замолчала. Он обвел взглядом сумеречную спальню. Она показалась ему гостиничным номером, давшим приют командированному человеку. До них в этой квартире с высоченными потолками и просторными комнатами жил тыловой генерал. Алексей ненавидел это паркетно-кафельное жилье. Семейные радости остались в гарнизонных общагах, там, куда забрасывала его служба. Тогда у них и гости не переводились, и сами по гостям шастали – пели, плясали без загляда в завтрашний день. А здесь – как сычи: гости, видишь ли, натопчут, напакостят. Здесь даже стены веют холодом.

Эти хоромы ему выделили незадолго до увольнения в запас. Тогда вышла в свет его книга о войне в Афганистане. Вместе с премией министерства обороны он приобрел прозвище «генштабовский скворец». Малость пообижался, да и плюнул, успокоенный новыми хитомы. В запас ушел с уверенностью, что прокормится своими книжками. И прокормился бы, если б не меченый генсек с уголовной перестройкой, а потом еще и беловежский разрушитель на танке у Верховного Совета...

– Чего молчишь? – спросила жена.

Он не ответил.

– Что же теперь нам делать? – не успокаивалась она.

– А что мы должны делать?

– Паспорт твой я сдала. В военкомате с учета и пенсии сняли. Из жильцов тебя вычеркнули. Тебя вообще нет!

– Я – вот он.

– А вдруг и не ты вовсе? Не может человек вдруг помолодеть на двадцать лет. Да еще и вырасти!.. Может, ты младший брат моего мужа?

– Ты что? Рехнулась?

– Сам ты рехнулся.

Алексею захотелось сплунуть. Заснуть и выкинуть все из головы. Но сон заплутался в островном ивняке, где он дрых два с половиной месяца. Другого объяснения случившемуся придумать не мог. А лодку смыло и унесло течением.

Мысли его были, хоть и четкими, но раздерганными. Кино из собственной жизни он смотрел бессистемно, выхватывая кадры из прошлого и настоящего. В них вплеталось то, чего и не было вовсе. Это вызывало беспокойство и желание вспомнить что-то важное. Но оно ускользало, как туман над рекой.

Алексей услышал, как заворочалась жена. И почувствовал, что сейчас она переберется на его половину. Так было всегда: супружеский секс определялся ее хотением.

Она подлезла, обняла со спины.

– Чего отвернулся?

Он вознамерился не реагировать. Но долгое воздержание дало себя знать. Повернулся к ней. Впился губами в ее губы. Она охнула. Правой рукой он обхватил ее между ног, чего прежде не делал.левой грубо сдвинул грудь. Она начала постанывать. Это было знакомо. Повинуясь наитию, он вдруг забросил ее ноги себе на плечи, чего опять же никогда не делал. Она готовно пошла на это: «Д-да-а!».

Такого в их семейной постели еще не случалось. И никогда жена так самозабвенно не извивалась.

– Геночка! – услышал он вдруг, хотя рот ее был запечатан его губами.

Сначала не сообразил, продолжая свое мужское дело. Но мгновением позже увидел жену и себя не в спальне, а совсем в другой комнате, на богатом белом ковре, устилающем пол. И жена, точно так же задрала ноги, вопила:

– Геночка!

Стоп! Он видел когда-то и ту комнату, и толстый белый ковер на полу. В той квартире жила ее подруга, бывшая школьная учительница с мужем-адвокатом по имени Геннадий. Вот он откуда взялся, Геночка!

Алексей перестал раскачиваться. Жене это не понравилось. Она охватила его бедра, заставляя двигаться. И он, зверея, откликнулся на подталкивания. Но теперь сознание фиксировало каждый жест, каждое движение. Глядел на ее лицо с распахнутыми губами, как на врага революции в момент переговоров.

Наконец, рот ее искривился. Прежде он всегда угадывал этот миг, подстраивался под него, чтобы кончить вместе. Но в этот раз сдержался. Она сделала попытку высвободиться из-под него. Он не позволил. Скрутил ее руки, прижал к подушке.

– Хватит, – проговорила она, – ну, хватит.

Он продолжал с ожесточением втискиваться в нее. Ждал, когда она запросит пощады. Но вместо этого ощутил, что жена снова задвигалась. Закрыла глаза и стала подвывать.

На этот раз он не стал искусственно сдерживать себя, когда рот ее искривился в немом крике:

– Ген-на!

Еще не отвалившись от нее, он произнес:

– Я не Гена.

Она открыла глаза, в них плясал испуг.

– Что ты сказал?

– Гена – муж твоей подруги, адвокат из гильдии Уханова. Я – не Гена.

– Глупости, – неуверенно проговорила она, переползая на свою половину кровати. Он дождался, пока она уляжется и притихнет. Спросил зло:
– И давно это у вас?
– Как тебе не стыдно? Такое – про жену! Чтобы я, с кем-то...
– С адвокатом Генкой. На белом ковре!
В голове у него щелкнуло. Спальню заполнил мрак.

Он недвижимо лежал в полной темноте, ощущая на висках присоски. Механический голос звучал тихо и размеренно:

– Формула триедина:

Не упрекай! Упрек делает человека виноватым. Не осуждай! Осуждение вызывает злобу.

Не угнетай! Угнетение порабощает и рождает ненависть...

Алексей молчал. В незашторенное окно подглядывала луна. Тишина звенела, как перед выстрелом.

Откуда всплыл механический голос? Где он его слышал? Что это такое – предупреждение, знак свыше?... Что вообще происходит?

Жена съезжилась под одеялом. Недаром говорят: маленькая собачка до старости шенок. В свои сорок семь она смотрелась на тридцать пять – этакая статуэтка, которую он подобрал в рыбацьем поселке на Арале... О чем она сейчас думает? Алексей мог ответить на это с абсолютной точностью.

«Неужели я вслух произнесла имя Геннадия? Не может быть! Я же приучила себя ни слова не говорить в постели. Откуда же муж узнал? Даже про белый ковер?... Значит, проговорила. Что же теперь будет? Только не развод! Буду все отрицать. Скажу: „Тебе показалось“. А как отрицать белый ковер?... Упаду на колени, попрошу прощения... Ах, дура я, дура!».

– Не стоит ни отрицать, ни просить прощения, – произнес Алексей.

«Боже мой! Неужели я опять думала вслух?»

Она вползла под одеяло с головой, будто оно могло оградить ее. А Алексей ошеломленно уставился в потолок. Выходит, он изменился не только внешне. Но и обрел способность слышать мысли. Где-то он уже сталкивался с чем-то похожим. Люди разговаривали, не открывая рта. Иногда он их понимал, чаще – нет. Где это было? Когда? Или сон привиделся? Может, на острове?... Да, ситуация...

Жена, конечно, паскудница. А сам он? Сколько баб у него было после женитьбы? Сосчитать – пальцев рук не хватит. Даже в Афгане была медсестра Света. Всего одну ночь, даже полночи. То была отдушина в дымно-кровавом коридоре.

Тогда их колонну подстерегли духи. Было двое убитых и пятеро раненых. Ранило и Ильяса-водителя, с ним он ехал от самого Кабула. Ильяс прикрыл его, когда они вывалились из горящей машины и поползли по голой обочине к бэтээру.

Подошедшая с блок-поста бронегруппа развалила дувал, оставив от духов месиво. Вертушки из Кундуза забрали убитых и раненых.

На другой день Алексей отыскал Ильяса в медсанбате. Он ждал отправки в ташкентский госпиталь. Увидев Алексея, ощерил в улыбке щербатый рот. Сказал:

– Дембель светит. Невеста ждет. Мать к себе ее забрала. Слабо на свадьбу в Стерлитамак, а? Адресок продиктую...

Медсестра приоткрыла одеяло, и Алексей увидел стянутые бинтами ноги и низ живота. Когда вышли из палаты, она, кусая губы, пробормотала:

– Лучше бы его убили.

– Вы в своем уме? – оторопел Алексей.

– Не будет у него ни невесты, ни жены. Все оторвало. Начисто...

Потом они глушили с хирургом в ординаторской спирт. Медсестра Света тоже пила и плакала. Хирург сказал:

– Вторые сутки не сплю, – и ушел.

Алексей и Света остались на узком санитарном топчане...

Так сколько же их было у него – постельных попутчиц? Алексей стал вспоминать их по именам. Но что-то мешало, тормозило память, потому что он не мог поймать чего-то очень важного. Даже не из того, что произошло с ним на острове.

Алексеем вдруг привиделся странный неземной пейзаж: круглое озеро, сочная шелковистая трава по берегам и деревья с зеленоватой корой и общей шаровидной кроной, образующей бескрайний шатер. Пейзаж был заполнен невидимым движением и звуками, в которых угадывалась знакомая и успокаивающая мелодия.

Он ощутил приятную расслабленность и мгновенно провалился в безмятежный сон.

Алексей проснулся, когда жена тихо встала с постели и молча начала одеваться. Он чувствовал себя, будто выздоровел после изнурительной болезни. Глянул на жену, однако встретиться с ним взглядом она избегала. Судя по всему, Олег уже смотался в свою контору, так что разрядить обстановку было некому. Жена торопливо прошла на кухню, пошебуршилась там. Он встал, долго полоскался в ванной. Услышал, как хлопнула входная дверь. Она ушла, даже не позавтракав. Лишь оставила на кухонном столе записку с номером подъездного кода.

Алексей сразу же позвонил давнему другу Рязанцеву. До перестройки они вместе работали в военной газете, и оба в одночасье сняли погоны. Теперь Рязанцев трудился спецкором в юридическом журнале.

Услышав голос Алексея, он сначала икнул, потом строго сказал:

– Не надо сволочных шуточек. Хотя и похож, но голос не его. Кто говорит?

– Да ты что, Валер? Это же я, Алексей.

На том конце провода повисло молчание, затем короткие гудки известили, что связь прервана. Алексей плюхнулся в кресло, зная, что сомнения начали грызть приятеля, и он уже набирает номер телефона. Услышав звонок, снял трубку, ответил, как прежде:

– Слушаю, Валера.

– Э-э, – протянул Рязанцев и неуверенно спросил: – Алексей?

– Он самый. С того света. Только не пугайся.

– Я – что? Схожу с ума?

– Сходишь, если кого-то вместо меня закопал. А я, как видишь, живой.

– Ну, дела! – проговорил Рязанцев через паузу. – Я сейчас в контору, потом встречусь с одной мошенницей – и сразу к тебе. Не исчезнешь?

– Не исчезну. Только звякни предварительно. Мне еще юридически ожить надо...

Выходить в город без копейки в кармане не имело смысла. Алексей знал, где у жены хранится заначка. Пошарил под бельем в шкафу и обнаружил триста рублей. Бедненько по нынешнему времени, но на метро хватит.

Во-первых, ему нужны были паспорт и пенсионное удостоверение, которые жена сдала при получении пособия на похороны. Лучше бы он забрал документы с собой, когда отправлялся на рыбалку. Теперь же придется стоять в очередях на прием к чинушам. А если потребуют вернуть похоронное пособие – совсем труба.

В первую очередь Алексей решил поехать в военкомат. Напаялил свою любимую афганку-безрукавку с множеством карманов. Прошел через засаженный тополями двор. Деревья уже прощались с летом, стояли унылые и едва шевелили поредевшей листвой.

Он дошел до метро «Авиамоторная». Направился по привычке мимо дежурной, где всегда проходил по пенсионному удостоверению. Стараниями московского мэра старики переме-

щались по городу бесплатно. Иногда Алексей даже не предъявлял свою пенсионную книжку: немолодая физиономия красноречиво свидетельствовала о его возрасте.

Но в этот раз полнотелая дежурная загородила проход.

– Документ! – непререкаемо потребовала она.

Алексей растерянно похлопал себя по карманам и прошёл к кассовому окошку. Его неприятно удивило, что за билет, стоивший недавно шесть рублей, пришлось выложить в три раза больше. Когда он проходил через турникет, дежурная проводила его тяжелым подозрительным взглядом. И нажала на пульте кнопку.

Он уже спустился с эскалатора, когда почувствовал на плече уверенную руку. Обернулся. Рядом с ним стоял красноносый и губастый милицейский сержант с блеклыми рыбьими глазками.

– Ваши документы, гражданин!

Алексей пробежался взглядом по его лицу. «Одет прилично, – прочитал он тугие мысли сержанта, – если документов нет, пускай две сотни гонит. Жалко, что не кавказец, выложил бы по таксе – полштуки».

Глядя блюстителю закона в глаза, Алексей размеренно отчеканил:

– Ни полштуки, ни две сотни ты, красноносый, не получишь. Сколько за дежурство набрал?

Лицо сержанта мгновенно стало под цвет носу. Алексей услышал, как закрипели и замесались по извилинам его мысли. «Кажись, влип! Нарвался на внутреннюю безопасность... Подполковник, никак не меньше... А где у него доказательства?... Деньги – из дома взял...».

– Да как вы смеете... – попытался изобразить возмущение, но Алексей осек его:

– Сколько в левом нагрудном кармане?

«Следили! – запаниковал блюститель. – На камеру взяли! Как пить дать, дело пришьют.

А начальник опять отвертится...»

– Сколько? – повторил Алексей.

– Д-две сто, – дрожащим голосом произнес блюститель.

– Давай две сюда!

«Пронесло! – возликовали мысли. – Свой брат, только покруче. Да и потеря невелика – две штуки... А этой курве, что натравила на меня подсадного, ноги повыдергаю!.. Надо предупредить корешей, что на линии шмон...»

– Не надо предупреждать, – сказал Алексей, небрежно приняв из дрожащих рук блюстителя четыре пятисотки. – Выдергивать ноги у дежурной тоже не советую. И начальнику больше не отстегивай, предупреди его, что он под колпаком.

Мысли сержанта окаменели, а сам он превратился в статую с разинутым ртом. Даже взглядом не проводил скрывшегося в вагоне электропоезда страшного пассажира.

Вспоминая стража порядка, Алексей грустно усмехался. Похоже, с деньгами теперь проблем не будет... Может, попытаться заодно получить должок и с Бычка? Такое прозвание имел бывший главпуровский комсомолец Антон Бычков, ставший каким-то образом хозяином весьма доходного издательства... Он и на самом деле напоминал ласкового блудливого бычка: всегда обходительный, вечно улыбчивый, с влажными шухарными глазами. Военкомат вполне может подождать, а с этим мошенником стоит, пожалуй, встретиться.

Алексей доехал до «Третьяковской», конечной станции на этой ветке, и потопал в «Светоч». Так назвал Бычков свое бумажное предприятие, намекая на то, что оно несет народу свет знаний. Два года назад он предложил безработному Алексею написать капитальное пособие для рыболовов-любителей. Алексей, которого уже давно перестали публиковать, ухватился за это предложение, тем более что заказчик обещал заплатить очень приличный гонорар – полторы тысячи долларов.

Два месяца он корпел над рукописью. Тема была знакома до мелочей, фактура сама вываливалась из памяти. Писал с удовольствием и одержимостью. В срок вручил ласковому Бычку рукопись. Однако предполагал, что за гонораром еще придется походить и поклоняться.

Но кланяться не пришлось. Бывший комсомольский вожак полистал рукопись, сказал: «То, что надо», и Алексей, минуя бухгалтерию, получил из рук в руки обещанный гонорар. И заверение, что через месяц вручит ему пять экземпляров книги из десяти тысячного тиража. А если она пойдет хорошо, то автор может рассчитывать на половинный гонорар с каждого следующего издания.

Насчет срока у Алексея возникли сомнения. Его первую книгу Воениздат мариновал два года. Тем не менее, ровно через месяц он держал в руках пахнущие типографской краской книги с интригующим названием «Тайны русской рыбалки». Не его это было название, издатели придумали.

Ему было любопытно, как книга расходуется. Не удержался и заглянул в «Глобус», книжный магазин в центре Москвы. Рыбачьи тайны шли нарасхват. Та же картина наблюдалась и через неделю, и через месяц... А тут еще один за другим позвонили из Хабаровска, Минска и Усть-Каменогорска старые сослуживцы. Поздравили и сообщили, что его книга уходит с прилавков влет.

Размах продаж явно зашкаливал за десять тысяч, обозначенных в книге. Алексей позвонил Бычкову и поинтересовался дополнительными тиражами.

– Какие тиражи, дорогуша! – воскликнул тот. – Убыток терплю!

Алексей понимал, что он врет. Он тогда лишь сказал:

– Жулик ты, Антон!

– Не жулик, а коммерсант, который заплатил тебе, дорогуша, приличные бабки...

Вот и пришла пора разобраться с коммерсантом.

В приемной Алексея встретила незнакомая цыпочка с ледяным лицом. Девушки менялись тут раз три в год, но каждая была длинноногой и с этикеточной мордашкой. Такой уж вкус был у ласкового Бычка.

– По какому вопросу? – спросила она.

Алексей, не отвечая, шагнул к обитой рубчатой кожей двери. Отмахнулся от вцепившейся в рукав цыпочки и объявился в обставленных черной офисной мебелью апартаментах. Хозяин, восседавший за огромным столом, словно вырезанным по лекалу, изумленно вытаращился на Алексея. Но через мгновение широкая улыбка смыла изумление. Вылез из-за стола радушным бычком, протянул Алексею обе руки.

– А говорили, ты утоп, дорогуша! Что только не наболтают люди! Рад, рад! Где скрывался?

– В Тибете, – не задумываясь, ляпнул Алексей.

– Курс омоложения проходил? Здорово они тебя отремонтировали. Даже ввысь вытянули. Волосы покрасил?

– Нет.

– Неужели свои восстановились? Сколько заплатил, если не секрет?

– Секрет.

– Может, откроешь старому другу? Я бы тоже не отказался помолодеть.

– Ты и так молодой, Антон, раз такая куколка в приемной.

– Чувырл не держим... Коньячку выпьешь? – его влажные глаза так и лучились доброжелательностью.

– Завязал.

– Неужели табу в Тибете наложили?

– Наложили.

– А по капелюшечке?

– Я должок пришел получить, Антон.

– Не понял. Разве я тебе что-то должен?

– Давай посчитаем, – спокойно ответил Алексей и прислушался к мыслям, порхающим в голове бывшего комсомольца.

«Вот лох! Как же ты можешь посчитать?.. Минские полмиллиона проскочили без следов... В Екатеринбург двести тысяч вывезли, там все ушло подчистую... Средняя Азия – вообще дыра... На понт берет Скворец!»

– Ну, считай! – беззаботно предложил Бычок.

– Минская типография выгнала пятьсот тысяч экземпляров. Разошлись в Белоруссии, на Украине и даже в Германии среди эмигрантов. На Урал ты отправил двести тысяч. И все мимо налогов... Продолжать?

«Кто продал? – заметалось в голове у Бычка. – Какая сука завелась в доме?».

– Продолжать? – переспросил Алексей.

«Неужто знает про Омск, Хабаровск, Бишкек? Сколько там на круг? Полмиллиона, не меньше...».

– Не забывай, Антон, про Омск и Хабаровск. А заодно и про Среднюю Азию.

Широкая улыбка сползла с лица издателя. «Продали!.. Кто?.. Только без паники!.. Главное – выбраться с минимальными потерями». Улыбка снова приклеилась к лицу Бычка. Он положил руку на плечо Алексея и проникновенно предложил:

– Садись, дорогуша. Извини, считал тебя совком... Поговорим, как деловые люди.

Алексей прошел к приставному столу и опустился в кресло. Не мигая, уставился на издателя. В глазах вдруг появился зеленоватый туман, и он услышал щелчок.

Колючая плетенка из травы слегка царапала голую спину. Рядом с Алексеем сидела молчаливая женщина в голубой одежде. По плечам струились зеленоватые локоны, пятнышко на лбу светилось, глаза с кошачьим разрезом смотрели на него с грустной ласковостью.

Воздух был напоен звуками, похожими на птичий щебет. Сквозь него прорывался неторопливый стук дятла. Этот стук имел конкретный смысл, будто закодированное сообщение передавал азбукой Морзе зашифрованное сообщение.

Не угнетай...

Не упрекай...

Границу света и тьмы будто провел умелый чертежник. Женщина была освещена солнцем. Она ждала, что он переместится из тени в свет, и каким-то образом подталкивала его. Он сделал над собой усилие, пытаясь переместиться к свету, но тело одеревенело. Женщина потиралила его. Он сделал еще одну бесполезную попытку подвинуться. Грань между светом и тенью стала таять. И в тот момент, когда его лицо залило нестерпимым сиянием, он почувствовал такую легкость, что готов был взлететь...

– Согласен? – услышал он ровно бы издали голос ласкового Бычка.

Однако в облике издателя уже не было ни веселости, ни лукавства. Глаза его стали жесткими и пытливыми.

– Повтори! – не сказал, а приказал Алексей.

– Я выплачиваю тебе твою долю, а ты называешь засланного ко мне казачка.

– Моя доля – сколько?

– При мне только штука баксов. Потом я все подсчитаю.

– В сейфе у тебя не штука, а четыре.

Мысли хозяина апартаментов панически метнулись к цыпочке из приемной. «Неужели она? Завтра же поменяю!». Алексею надоела эта игра, он чувствовал усталость. Сказал почти равнодушно:

– Давай четыре, и мы в расчете.

– А информатора?

– Пока тебе ничего не угрожает. Налоговая не тронет.

– Откуда знаешь?

– Не спрашивай... Но из тени свой бизнес выводил. Не обеднеешь. Твоей заначки на островах на жизнь хватит.

Лицо издателя искривилось. Открыл рот, намереваясь что-то сказать, но раздумал. Алексей услышал его еще до того, как разомкнулись ясные уста Ласкового Бычка: «Со спецслужбами связался Скворец! Ссориться с ним никак нельзя, дружить надо». Затем молча, отдернул стенную шторку, открыл дверцу вмурованного в бетон железного ящика. Вытянул долларовую пачку, двинул ее по столу к Алексею.

– Здесь четыре.

Алексей автоматически отделил половину, затолкал в потайной карман афганки. Нет, не для заначки. Вроде бы эти две тысячи нужны ему были для особой надобности. Вот только какой надобности – он и сам пока не понимал. Но то, что она есть, было для него бесспорным. Другую половину небрежно сунул под нагрудную липучку и поднялся. Бычок сказал на прощанье:

– Главное в конфликте – глицерин. Будем дружить?

– Посмотрим...

Он шагнул по улице с неясной тяжестью в душе. Только теперь он с пронзительностью заметил, что наступила осень. Было еще тепло и сухо, но листья уже облетали, покрывая тротуары желто-красными подвижными пятнами.

В последние годы Алексей полюбил осень, хотя раньше по душе ему было буйное весеннее половодье. Теперь в листопад он чувствовал умиротворение, на все остальное ему было наплевать.

Но в этот раз умиротворение цедилося каплями. Его забивало неосознанное беспокойство. Даже толики довольства не появилось из-за того, что он без проблем содрал с Бычка должок. О валюте он вспомнил, когда заметил возле метро салон сотовой связи.

Раньше он с раздражением и завистью наблюдал, как неоперившиеся юнцы болтали на ходу по мобильным телефонам. Купить такой Алексею не позволяли финансы. Теперь позволяли.

Он зашел в салон. Выбрал модель за триста с лишним долларов. Полез в карман под липучкой и вместе с долларами вытянул пятисотки мента – вымогателя, о которых совсем забыл. Сунул их в брюшной карман. Расплатился за телефон зеленой валютой, получив сдачу рублями. И нырнул в метро.

На перроне он увидел колясочника-попрошайку без ноги. В камуфляже и десантном берете, намекавшими на боевое прошлое, он истово и с поклонами крестился. Народ не оставался равнодушным. Мелочь так и сыпалась в большую картонную коробку.

Алексей остановился подле него. Достал отобранные у мента пятисотки. Вознамерился бросить все четыре купюры в коробку. Калека встрепенулся, муть в его глазах поредела. Рука Алексея застыла на полпути, будто кто ее притормозил. Он глянул на колясочника внимательнее: грязная тельняшка, нос в красных прожилках, присосавшиеся к купюрам глаза с желтыми белками.

– Где воевал? – спросил Алексей, уже понимая, что нигде тот не воевал, что нарядила его и посадила здесь за дозу и за кормежку мафиозная бригада.

Тот не ответил, обиженно скривился. Помешкав, снова с поклонами закрестился. Алексей затолкал деньги в карман и в тот же миг ощутил на себе чей-то недобрый взгляд со стороны. Спину сверлила даже не одна пара глаз, а две. Он пошарил взглядом по перрону, но никого

не обнаружил. Хотя точно знал, что их обладатели где-то поблизости и обязательно последуют за ним.

Алексей засек парочку, когда вошел в вагон. Два коротко стриженных качка с золотыми цепками на толстых шеях пристроились по соседству. Они отличались лишь носами. У одного – нос свернут набок, у другого – приплюснутый, с ноздрями наружу. «Пускай пасут!» – внутренне усмехнулся Алексей.

Чтобы подразнить их, достал купленный мобильник и набрал свой домашний номер. К его удивлению, жена оказалась дома. Не ответив на ее «Алё-о!», отключился. И ехал до «Авиамоторной», не обращая на качков внимания.

На выходе они затерялись в толпе, но Алексей был уверен, что они никуда не делись. Решил помочь им. Свернул в скверик, тянувшийся вдоль железной дороги. И тут же обнаружил преследователей. Они остановились на ступенях, ведущих с тротуара в сквер. Пинали осыпавшиеся кленовые листья и наблюдали за ним. Он направился в самый глухой уголок сквера, вроде бы приспичило отлить. Заметил, как разноносые качки скользнули следом. Он не обеспокоился. Почему-то был уверен, что легко справится с обоими, хотя драчливостью не отличался, и боксом занимался лишь в далекой юности.

Они настигли его, когда он остановился возле толстого свежего пня. Ноздрястый достал нож, выщелкнул лезвие. Скомандовал неожиданным фальцетом:

– Мобилу и бабки!

– Может, и ключ от квартиры, где деньги лежат? – спокойно спросил Алексей.

У фальцетового качка слегка отвисла челюсть, и на лбу нарисовались морщины.

– Сколь денег? – наконец, вытолкнул он.

– Понтует козел! – вмешался кривоносый. – Выворачивай карманы и канай по холодку!

Не то...

Подстегнутый напарником, Ноздрястый сделал шаг и оказался всего в полутора метрах.

Все произошло, ровно бы кто Алексея запрограммировал. В прыжке он выбил ногой нож и, приземляясь, обрушил ребро ладони на загривок качку. Тот рухнул, не успев застонать. Второй, уже бросившийся с кастетом на подмогу, будто наткнулся на препятствие. Стал пятиться и вдруг скакнул в сторону. Но Алексей настиг его, ухватил за ворот кожанки.

– Брось кастет!

Кривоносый послушно выполнил команду, а мысли его скользнули к внутреннему карману, где был припрятан скальпель.

– Достань скальпель! – велел Алексей.

Тот с испугом мазанул его взглядом. Торопливо зашарил в кармане и швырнул наземь хирургическое лезвие.

– Подними!.. Подойди к приятелю, срежь пуговицы с брюк и выдерни ремень.

– З-зачем?

– Хочешь, чтобы я тебе ноги выдернул?

Тот не хотел. Подсеменя к Ноздрястому и шустро стал обрезать пуговицы. Затем вытянул из джинсов ремень, уставился вопросительно на Алексея.

– Теперь у себя срежь!

Кривоносый тоскливо подчинился. Алексей подобрал нож и кастет. Ждал конца портяжной экзекуции. Ноздрястый с трудом принял сидячее положение. Тупо глядел на подельника, явно не соображая, что тот вытворяет.

– Ремни и скальпель кинь сюда! – скомандовал Алексей, когда штаны сползли с Кривоногого...

На выходе из сквера он бросил в урну кастет, скальпель и ремни. Нож оставил себе на память. Оглянулся. Оба незадачливых грабителя еще стояли у пня, поддерживая штаны обеими руками. Алексея они больше не интересовали.

Он, не торопясь, двинулся мимо Лефортовского рынка в сторону дома. С востока на небо напознала хмурь, предвестница скорого дождя. Ветер раздевал деревья, гонял по тротуару листву и хоронил ее в укромных уголках. В таком уголке Алексей и заметил чистенькую пожилую тетку, торговавшую ранетками. С рынка ее, похоже, турнули азербайджанцы, распоряжавшиеся на нем, как в своей вотчине. На отшибе, где она пристроилась, покупателей кот наплакал.

Алексей сбавил ход, даже приостановился, улавливая ее думы. Они были обыденными и убогими, как вся жизнь вокруг. Ранеточница надеялась расторгнуться и купить девочкам творогу и двести граммов колбасы. Мелькнули в ее думах непутевый сын, залетевший в места отдаленные, и сгинувшая невеста куда гулена-сноха. Мелькнули и исчезли, опять уступив место внукам-погодкам.

Неведомые внуки-погодки вызвали у Алексея мучительное желание что-то вспомнить. Память заметалась в поисках нужной клавиши. Вот-вот, казалось, возникнет чей-то забытый образ или проплывет важный кусок жизни. Но вместо этого в голову буйным потоком хлынуло лето.

Маленькая женщина с зеленоватыми распущенными локонами гладила его виски. Рта она не раскрывала, но он слышал ее речь.

– Вы утратили и продолжаете бездумно тратить дарованное. Поселенцы сами убивают мироздание.

– Что значит убивают?

– Все, что нас окружает, – живой организм. Ему больно от бесконечных ран. Он долго терпел и теперь начинает мстить.

Женщина взяла его руку в свою, стала рассматривать ладонь, пальцы. Опечаленно вздохнула:

– Твой безымянный палец много длиннее указательного.

– И что из того?

– Поймешь, когда твоя память заполнит пустующие клетки...

Опекунша девочек-погодков отставила свои ведра с ранетками. Подошла к нему, потеряла за рукав.

– Вам плохо?

– Нет, нет, – очнулся Алексей, – извините!

Торопливо достал из кармана многотрадные пятисотки, вложил их ей в руку.

– Для внушек, – и, не желая слышать слов благодарности, стал переходить улицу. Вслед ему донеслось:

– Кто вы?..

Жена была дома. Спросила, не глядя в глаза:

– Есть будешь?

– Буду, – буркнул Алексей

Она поставила на стол тарелку с борщом, хлебницу и собралась исчезнуть с его глаз.

– погоди! – остановил он ее.

Она будто споткнулась. Повернулась к нему, пересиливая себя и не поднимая глаз. Он услышал: «Если скажет про развод, упаду на колени, попрошу прощения. Геня все равно свою не бросит...».

– К Геннадию больше не ходи! – жестко сказал он. – Будем считать, что ничего не было... Где Олег?

– Он у девушки сегодня ночует.

– Ночует, и она все еще девушка?

- Не знаю.
- Жениться, что ли собрался? Кто она?
- Не знаю.
- А что ты вообще знаешь?
- Она промолчала.
- Как у тебя с деньгами?
- Триста рублей было. Ты случайно не брал?
- Случайно брал.
- Олегу второй месяц хозяин не платит.
- Сядь! – приказал он ей.

Жена присела на табурет. Он прошел в свой кабинет, где оставил афганку-безрукавку. Отсчитал тысячу долларов. У него осталось около семисот, не считая тех двух тысяч, что отложил с непонятной целью как НЗ. Вернулся на кухню. Положил деньги перед женой:

- На расходы. И не жадничай.
- Откуда столько?

Он не ответил, и она больше не допытывалась. Сидела, сложив руки на коленях. Наконец, не выдержала, спросила, как школьница:

- Я могу уйти?
- Как хочешь.

Осторожно собрав со стола валюту, скрылась в спальне.

2

Алексей лежал в своем кабинете на узком топчане, который стал ему теперь коротковат, и пытался разобраться, что же с ним произошло на острове. Вопросов – пруд пруди, а ответов – кот наплакал, включая исчезновение трофейного браунинга. Потому он отбросил все вопросы в надежде, что все когда-нибудь разъяснится само собой. Оставил лишь то, что было фактом, хотя и не находило объяснения.

Во-первых, он каким-то образом подрос, заметно помолодел и вылечил все свои болячки. Во-вторых, и это самое главное, приобрел способности, несовместимые с нормальной психикой. Они-то и беспокоили его больше всего.

Чужие секреты, как лишний груз в рюкзаке, тянут, а выбросить жалко. Однако бывает, что груз оказывается совсем не лишним, выручает в особых обстоятельствах... Как бы то ни было, но умением заглядывать в чужие мозги стоит распорядиться разумно.

А в чем она, разумность? В добывании капитала?.. Большие деньги Алексея не интересовали, лишь бы не нищенствовать... Стать секретным агентом, чтобы отлавливать шпионов?.. Бессмысленно, потому что никаких государственных секретов не осталось. Их давно распродала оптом и в розницу кода последнего союзного генсека и первого российского президента... Борьбa против казнокрадства и вообще против любого сволочизма? А можно ли бороться одному, если сволочизм окутал, как туман, всю страну? Если кучка подонков безразмерно богатеет, а остальные с большими потугами выживают?..

Алексей вспомнил свою безмужнюю двоюродную сестру – доярку, живущую в деревне с двумя пацанами-сорванцами. Она полтора года не получала зарплаты, но ни одной дойки не пропустила. Как ухитрилась не уморить детей – одному Богу известно... А хахаль жены адвокат Гена гребет бабки со своих подзащитных уголовничков в костюмах от Кардена. Приобрел двухуровневую квартиру на Краснопресненской набережной, купил у вдовы писателя-классика дачу и превратил ее в боярский терем. Раскатывает на лимузине и даже подарил машину своей дуре-бабе..

Так с кем бороться? С адвокатом? С теми, кого он уводит от праведного суда? С прокурорами и судьями? Или замахнуться еще выше?..

Он считал себя прагматиком, в чудеса не верил. Но то, что с ним произошло, не поддавалось реальности. В том был сокрыт непонятный ему смысл, до которого он просто обязан докопаться.

Он приподнялся, затем сел на своем топчане. Взгляд его упал на книжную полку с множеством папок, в которые он складывал все свои публикации. Они показались ему такими ничтожными, что он тут же встал и начал швырять их на пол. На одной из полок обнаружил пачку мягкой «Явы» и бензиновую зажигалку, подаренную ему когда-то Рязанцевым. Алексей так и не выбрал время, чтобы встретиться с другом.

Он бессмысленно крутил сигаретную пачку и вдруг понял, что не выкурил после возвращения с Острова ни одной сигареты. И удивился тому, потому что прежде смолил по две пачки в день.

Сунув находку в карман и нагрузившись папками, он вышел к мусоропроводу на лестничной площадке и спустил вниз свой бесценный архив. Сунул в рот сигарету, поджёг и попробовал затянуться. В центр левой ладони будто ткнул кто раскаленной иглой, и организм мгновенно заполнила тошнота. Алексей отправил курево вслед за своими литературными трудами. И лишь тут обратил внимание на голоса сверху. Визгливый девчачий требовал:

– Димон, блин! Не жмись! Лей, как себе!

Заржали ломкие баски, и голос взрослого произнес:

– Накапай ей до краев, Димон! Не хватит – смотаешься к Алику.

Алексей поднялся на один лестничный пролет. Оглядел теплую компанию. На заплывающих ступеньках сидели трое стриженных наголо пацанов и рыжая девица лет четырнадцати с наполненным стаканом в руке. Выше, облокотившись о перила, стоял парень в замшевом пиджаке и чавкал жвачкой.

Алексей шагнул к девице, отобрал у нее стакан и выплеснул водку в лестничный пролет.

– Блин! – взвизгнула она. – Охренел? – повернулась к замшевому: – Климыч, он что – с катушек съехал?

Пацаны тоже уставились на парня, и Алексей без труда уловил их немое негодование. «Откуда этот хмырь нарисовался? Дай ему, Климыч!»

Тот выплюнул жвачку и поманил непрошеного пришельца пальцем. Алексей не шевельнулся, продолжал спокойно разглядывать замшевого. Угол рта у того был слегка искривлен, от уха к шее шел бледный, но все же заметный шрам.

– Кому сказал! – рыкнул парень и медленно стал спускаться по ступенькам.

– Не маячь, Клим! – предостерег его Алексей, и тот, будто споткнувшись, притормозил подле малолеток. – Я сейчас уйду, Клим, и выйду через пять минут. Чтобы ни тебя, ни мелкой шоблы здесь не было. Про этот подъезд забудь!

Шрам возле уха парня слегка побагровел. По его извилинам проскакала одинокая мыслишка: «Никак из наших... Бригадир что ли? Надо узнать у Юсупа...»

– Если не понятно, передай мои слова Юсупу, – сказал Алексей и, не спеша, потопал к своей двери. Вслед ему при полном молчании донеслась оформившаяся в тощих извилинах мысль: «В буграх ходит, раз с Юсупом корешится... Придется сваливать...».

Вся следующая неделя прошла для Алексея в хлопотах. Он так и не смог выкроить время для встречи с Рязанцевым. Да и тот не давал о себе знать: не звонил, не объявлялся, чтобы глянуть на воскресшего друга.

Дни уходили на то, чтобы восстановиться в правах нормального живого гражданина. Он уже не сомневался, что все сделает быстро, без долгих стояний в очередях и без чиновничьей волокиты. Так и получилось.

Майор-паспортист, похожий на Виннипуха, долго не мог взять в толк, чего Алексей добивается. Стриг его прищуренными глазами, словно хотел разглядеть ценник. И в голове шлептели ценники. Пришлось намекнуть ему на махинации с регистрацией бывших братских граждан, ставших иностранцами. А когда тот демонстративно возмутился, Алексей упомянул про институтское общежитие, где живут таджики с фальшивой регистрацией, а хозяйка общежития носит ему каждый месяц по триста долларов. Перестав щуриться, Виннипук тут же предложил ему заполнить анкеты, объяснил, где находится моментальная фотография, и подсказал, кому надо срочно сдать две фотокарточки, чтобы успеть оформить документы к завтрашнему дню. Когда Алексей появился наутро в его кабинете, тот самолично вручил ему паспорт и даже поздравил с возвращением из покойников.

В военкомате поначалу уперлась намакияженная дама с пирамидальной прической, принимавшая одряхлевших пенсионеров министерства обороны в кабинете на первом этаже.

– Откуда я знаю, что вы – это вы? – заявила она электронным голосом ведущей из телевизионного «Слабого звена». – Принесите из милиции справку, что вы живой и вместо вас похоронен другой человек.

– Но вот паспорт, который мне выдали только вчера. Здесь указан год рождения и адрес, по которому я прописан.

– А у меня документ, что вас похоронили. И ведомость, по которой вы получили свои смертные.

– Как же я их мог получить, если умер?

– Это ваше личное дело. В ведомости ваша фамилия. И вот роспись. Несите справку, что вы живой.

Алексей не сдержался:

– Вы же не идиотка – требовать такие справки?

– От идиота слышу, – с достоинством произнесла та и демонстративно уткнулась в бумаги на столе.

Алексей и до того подумывал, не обратиться ли ему сразу к военному комиссару. Но привычка к порядку толкнула его в низший чиновничий кабинет. В мозгах его хозяйки не было ни одной мысли, за которую можно было бы ухватиться. Возможно, она вообще была безмозглой и не задумывалась ни о том, что было вчера, и ни о том, что будет завтра. Он не стал выяснять с ней отношения и направился к военкому. Решил, что никогда больше не станет стучаться в двери клерков-пупырышков, которые мнят себя непроходимой кочкой на пути просителей, и у которых в голове нет даже завалявшейся мыслишки.

Приемная военкома пустовала. Наверное, финансовая смета не предусматривала секретаршу. Распахнув дверь, Алексей обнаружил, что и в кабинете никого не было. Однако в глубине, возле массивного стола, была еще одна, открытая настежь дверь. Он прошел по вытертому ковру и заглянул в нее. Там, возле дивана, стоял в майке мужик с усиками Аля-Гитлер и натягивал полковничью форму. Наверняка, то был военком, явившийся на службу с начальническим опозданием. Заметив Алексея, он сказал:

– Извините! Сей секунд, и я на месте.

Появившись в кителе с наградными медальными планками, протянул Алексею руку, показал жестом на стул. Дождавшись, когда гость уселся, осведомился:

– Юрий Дмитриевич?

– Нет.

– А-а, понял. От Михайловича?

– Я сам по себе. Хочу получить свое пенсионное и афганское удостоверение.

Благожелательность исчезла с лица военкома.

– Извините, я занят. Обратитесь в комнату два.

– Я уже был там.

- Документы сдали?
- Я их давно сдал. Дело в том, что меня похоронили, а я, как видите, живой.
- Похороненный живым быть не может.
- Если вы считаете, что я покойник, значит, перед вами призрак.

Военком потер усики-нашлепку. Погладил чисто выбритый подбородок. Мазнул взглядом Алексея. Принял деловой вид.

- Фамилия? Звание?
- Усольцев. Подполковник запаса.

Хозяин кабинета ткнул на телефоне кнопку, скомандовал:

- Личное дело подполковника Усольцева! И что там у нас с его гибелью?

На том конце провода ему что-то долго объясняли. Наконец, он положил трубку, внимательно поглядел на Алексея и произнес:

– Случай очень не простой. Мы назначим расследование по поводу вашей гибели и воскрешения. На это потребуется время. Оставьте свои координаты, результат вам сообщим.

Алексей приподнялся со стула и, глядя в глаза военкому, произнес:

- Послушай, полковник. Ты в Афгане или в Чечне был?

- Выйдите из кабинета!

– Теплый стул нашел, полковник? А не боишься слететь с него? – и чтобы заставить его мысли шевелиться, добавил: – Вспомни, чем ты занимался последний месяц!

Мысли военкома не просто зашевелились, они стали шарахаться из крайности в крайность. Мелькнула какая-то сауна, почему-то хныкающая дама с первого этажа. Затем в мыслях полковника появился известный политик по прозвищу «Гаденыш», положивший ему на стол пухлый конверт.

– Конверт от Гаденыша взял? – даванул Алексей. – Ты мелкая сошка, полковник, да и улик против тебя пока мало. Не будешь якшаться с ушлыми клиентами, и улик не будет... Дай команду своей блядешке, чтобы она оформила мне все документы и пенсию.

Усики военкома дрогнули и поникли. Он сидел, будто на него упал кирпич. На Алексея не глядел, пальцы сцепил в домик, чтобы не прыгали, а глаза блуждали по столу.

- Не слышу ответа, полковник! – жестко произнес Алексей.

– Завтра, после десяти, в любое время, – дрожащим голосом прошелестел военком. – Всегда к вашим услугам...

Алексее было наплевать на его лепетанье. Вышел, не закрыв за собой дверь.

Полковник набрал номер дамы с пирамидальной прической:

- Поднимись ко мне.
- В готовности номер один? – игриво спросила она.
- Не до секса, Ирина... Все брось и срочно оформи этому типу все документы.
- Но ведь...
- Делай, что говорю.
- А как быть с похоронным пособием, которое получила его жена?
- Спишешь на кого-нибудь.
- Но, Слава...
- Я уже сорок три года Слава. Хочешь, чтобы меня выперли отсюда? Хочешь мне передачи носить?
- Он – что? – испуганно спросила дама Ирина. – Из органов?
- Хрен его знает! Но тип опасный...

От военкомата до метро «Текстильщики» Алексей шел пешком. Домой он не торопился. С женой все эти дни он вел себя ровно и спокойно. Но разговаривал мало и спал отдельно, на своем коротком и узком топчане. Она нет-нет, да и бросала на него вопрошающие взгляды,

но он намеренно не замечал их. Сына Олега почти не видел. Тот ночевал дома редко, пропадал у своей пассии. А когда появлялся, садился в своей комнате за компьютер, и вызвать его на откровенность не было никакой возможности.

– Ты бы познакомил нас со своей девушкой, – попытался подступиться к сыну Алексей.

– Рано, отец.

– Почему рано?

– Сам еще не определился.

Вот и вся задушевная беседа. Мать же вроде как побаивалась заводить такие разговоры, лишь напоминала Олегу, чтобы звонил домой и сообщал, что ночевать не придет...

У метро Алексей обнаружил частную нотариальную контору, заглянул в нее. Молодой и лысоватый нотариус в малиновом пиджаке явно скучал без клиентов. Заметив в дверях посетителя, он широким жестом пригласил его к столу. Без проволочек оформил на жену доверенность для получения пенсии.

Сделал это Алексей по наитию. Возможно, ради широкого жеста, а может быть, даже из-за нежелания самому стоять в очередях за суммой, спасающей разве что от голода. Такая собачья жизнь свалилась на пенсионеров.

Алексей завернул в попавшийся на пути китайский ресторанчик. Его с поклоном встретил старый морщинистый китаец, проводил в почти пустой зал. Столиков в нем стояло не больше десятка, и только два в самом углу были заняты. Тусовочный час, видимо, еще не наступил, и уютную обстановку никто не тревожил. Откуда-то сверху лилась спокойная восточная музыка, располагавшая к раздумьям или серьезным разговорам.

Едва Алексей взял в руки меню, как к его столу танцующей походкой приблизилась почти не накрашенная раскосая официантка, пододвинула меню и замерла в ожидании.

Цены были, конечно, бешеные, но теперь они не беспокоили его. Названия блюд ни о чем Алексею не говорили. Он выпросил у официантки, что означают мудреные названия, и сделал заказ. Однако она не уходила и с мягкой улыбкой ждала продолжения. Алексей оглядел ее. Она явно работала под китаянку, но кроме раскосых глаз ничего китайского в ней не проглядывало. Но мордашка была очень даже миленькой.

Чтобы не обижать приветливую официантку, вознамерился, было заказать, как обязательно сделал бы прежде, графинчик приличной водки. Но вовремя вспомнил, как она, родимая, отвратила его одним запахом. Попросил принести лишь кружку безалкогольного пива.

Пиво она принесла в большом хрустальном бокале, и отвращения оно не вызвало. По вкусу были и в меру острые блюда. Алексей насытился, отмяк, подобрел. И едва откинувшись на спинку кресла, как снова подтанцевала официантка:

– Что еще желаете?

– Спасибо, – отказался от «еще» Алексей. – Сколько с меня?

Она положила на стол счет. Раньше он бы ахнул от цифры в девятьсот с лишним рублей. Теперь же воспринял ее, как должное. Достал зеленую купюру в пятьдесят долларов, вложил ей в ладонь. Она спросила:

– Сдачу рублями?

Он показал жестом, что сдачи не надо.

– Благодарю, – с улыбкой произнесла она и предложила: – У нас есть комната отдыха. Не хотите ли массаж?

– А кто массажировать будет?

– Я, – ответила она и потупилась, ровно школьница.

– В другой раз, – пообещал Алексей перед тем, как покинуть гостеприимное заведение.

– Меня зовут Наташа, – сказала она ему на прощанье...

Пока он добрался до дому, время уже напоздло на вечер. Большой, засаженный тополями и липами двор, шелестел опавшей листвой. Было сухо, совсем не холодно и людно. Скамейка

возле их подъезда пустовала. Алексей уселся на нее, бездумно наблюдая за вечерней жизнью обитателей дома.

Возле голой клумбы, на вкопанном колченогом столе немолодые мужики забивали козла. Ребячья мелюзга под присмотром бабок копошилась в песочнице. Сорванцы постарше с воплями раскачивались на тарзанке.

Через какое-то время он ощутил, что за его спиной кто-то остановился. Опасностью от непрошеного соседа не веяло, и Алексей продолжал сидеть не оглядываясь. Наконец, не выдержал, повернулся. И увидел замшевого парня по кличке Клим.

– Я – это, – заговорил тот, подбирая слова, – передал Юсупу. В натуре. Он с тобой хочет тему перетереть.

Алексей не ответил, пытаясь уловить мысли Клима. Но тот заикнулся на «базаре», переминался с ноги на ногу, заряженный поручением Юсупа. Видать, крепко держал в руках своих шестерок авторитет.

– Стрелка на шесть вечера, – продолжил тот, но Алексей не дал ему договорить.

– Скажи Юсупу, сам его найду, если понадобится.

Искривленный уголок рта Клима дернулся.

– Он – того... Не любит, когда сам. Конкретно.

– Я тоже не люблю, – ответил Алексей и пошагал к своему подъезду, оставив замшевого Клима чесать репу.

3.

Открыв дверь, жена сказала с угодливой торопливостью:

– Сейчас ужин соберу.

– Не надо, – ответил он, – только кофе.

– Я красную икру купила. Бутерброды сделать?

Он не отреагировал на икру. Спросил:

– Рязанцев не звонил?

– Нет.

– Олег придет сегодня?

– У нее останется. Не знаю, что с ним делать.

– Ничего. Собьет оскомину и будет в норме.

После кофе она неуверенно поинтересовалась:

– Ночевать в кабинете будешь?

– В кабинете.

– Я поменяла там белье, – и в который уже раз вопрошающе глянула на него.

Алексей не стал копошиться в ее мыслях, не хотелось напрягаться. Удалившись в свою каморку, достал мобильник и позвонил Рязанцеву. Однако никто не ответил. Через полчаса снова позвонил и опять безрезультатно. Лишь близко к полуночи трубку сняла Валентина, его жена.

– Загуляли? – спросил Алексей.

– Ой, да какая гулянка! Валерка лежит в госпитале, в неврологии. Я только от него.

– Что случилось?

– Какая-то сволочь по голове железякой ударила.

– Как он сейчас?

– Сказали, недели через две выпишут.

– Когда это случилось?

– Неделя уже. Он как раз зарплату получил и после работы к вам собирался. Забрали деньги, портфель и диктофон.

– Что же ты, Валя, сразу не позвонила?

Она замялась. Затем ответила с запинкой:

– Боюсь я вас.

– С каких это пор?

– Я же видела, как гроб опускали.

– Так в гробу-то не я был!

На том конце снова возникла пауза, прервавшаяся смущенным бормотанием:

– Как знать...

Положив трубку, Алексей почувствовал себя виноватым: с другом беда, а он даже не удосужился позвонить. А прежде созванивались, чуть ли не каждый день, и к Павлику заходили. Недалеко от редакции был скверик, в котором стоял гипсовый памятник пионеру Павлику Морозову. Возле памятника чугунная скамейка. Удобное, скрытое от посторонних глаз место, где газетчики причащались портвейном или пивом после трудов праведных. Давно уже не заходил Алексей к Павлику. Никуда не деться – непредсказуемая жизнь плетет новые паутины и рвет прежние нити.

С мыслью навестить завтра Рязанцева, он смежил веки. То ли задремал, то ли уснул. Полусон, наплывший на него, был похож на явь. Будто выползло из глубин сознания забытое и расстелилось перед ним объемной картиной.

Зеленели деревья, трава и вода близкого озера. И снова явилась ему зеленоволосая женщина в голубоватой с переливами одежде. Он лежал на кусачей, будто сплетенной из крапивы, циновке. Но укусы не жгли, а слегка пощипывали. Он не слышал ни ее, ни своего голоса, но сознание четко фиксировало вопросы и ответы. За ее спиной, на холме, просматривалось монументальное сооружение, словно сотканное из матово отливающих нитей.

– Странный дворец, – сказал он.

– Это Храм мудрецов.

– Ты в нем живешь?

– Да, я дочь Верховного Хранителя мудрости, – ответила она, не разжимая губ.

– Как тебя зовут?

– Оника.

– Скажи, что со мной? Я почти не ощущаю себя.

– Это пройдет. Ты теперь такой, каким должен быть от рождения. Ты носитель гена.

– Откуда на Земле появились носители гена? – спросил он.

– От сыновей древних Хранителей мудрости. Они нарушили запрет, стали любить женщин-эонок. В наказание их оставили на погибающей планете.

– Разве наша Земля погибала?

– Это произошло тысячи лет назад. На Аэолу надвигалась комета-разрушительница. Тогда и произошло переселение эолов.

– А комета?

– Она задела планету хвостом. Произошел разлом материка и смещение полюсов. Прорвавшись Аэолу, комета таранила одну из десяти планет галактики. После катастрофы уцелели меньше трети жителей. Из носителей гена – лишь один человек. Иешу – его потомок.

– На Земле его называют Иисус Христос.

– Да. Ты получил ген от него, Алекс. И скоро вернешься на свою планету. Мне жаль тебя отпускать.

– Не отпускай.

– Твое место там, хотя на тебе большой грех.

– Какой?

– Побег.

– Откуда и куда?

– Сам поймешь...

Алексей очнулся от того, что кто-то провел пальцем по щеке. Открыл глаза. На топчане сидела жена в ночной рубашке. Какое-то время он оставался недвижимым. Затем откинул одеяло, и она с готовностью юркнула к нему. Обняла, прижавшись всем телом. Забормотала:

– Прости, прости, прости, – и всё теснее прижималась к нему.

На этот раз она не вспоминала Геннадия. И он не был таким остервенелым, как в ночь после возвращения с острова. Но все равно ощущал себя насильником, потому что ей это нравилось.

В окно светила красная и полная, как купчиха у самовара, луна. В ее свете Алексею показалось, что рассыпанные на подушке волосы жены присыпаны красниной по зеленому полю...

Когда она ушла в спальню, он вспомнил про свой сон. Что он видел конкретно – из головы вылетело. Всё, кроме женщины с ласковыми кошачьими глазами. В том сне происходило что-то очень важное и столь необходимое для сегодняшней жизни.

Он закрыл глаза с надеждой снова окунуться в сновидение, чтобы вернуть его и запомнить. Но попытка была тщетной. Наверно, мешало подглядывавшее в окошко и вызывавшее беспокойство ночное светило.

Алексей встал, запахнул наглухо шторы. И опять улегся на топчан с мыслью навестить с утра болящего Рязанцева. С тем и уснул, как отключился от всего земного.

Чтобы не делать круг, добираясь до госпитальной проходной, Алексей пролез в дыру в металлической ограде с отогнутой арматурой и прошел напрямую к неврологии, где бездельничал побитый Рязанцев. Однако у лестницы на первом этаже дежурил непробиваемый и толстомясый немолодой вахтер, подле которого кучковались родственники болящих. В госпитале по распорядку был мертвый час, и очередники ждали его конца, до которого оставалось еще минут сорок.

Алексей пристроился в хвост и стоял, пока мимо очереди не проплыла, обдавая парфюмом, мамзель в распахнутом манто. Небрежно бросила в пространство: «Пропуск!», но пропускная бумажка исчезла без ознакомления в мясистой лапе вахтера. Стоявшая рядом с Алексеем женщина в кашемировой косынке торопливо зашарила в сумочке с надорванным ремешком. Он заметил, как она вытянула десятку, зажала ее в кулаке и, подхватив свободной рукой две авоськи, шагнула к вахтеру. Тот брезгливо глянул на десятку и гордо произнес:

– Взятки не берем-с.

Алексей протолкался к нему, отодвинул женщину. Уставился в глаза вахтеру:

– Не брешь, толстомясый! Берем-с взятки! Сколько слупил с расфуфыренной?

– Как вы смеете? – зашелся в негодовании вахтер, а в мыслях уже нарисовалась двадцатидолларовая купюра и куча всякой дребедени, над которой возвышался он сам, еще в полковничьей форме, но такой же упитанный.

– Смею! – жестко сказал Алексей. – Ты же полковником был, а стал крохобором. Даже специальный карман пришил к своей пятнистой куртке для взяток. И зеленую двадчатку туда сунул... Есть вопросы, толстомясый?

Глаза у того стали оловянными. Извилины будто погрузились в бетонный раствор. Язык заморозился, не в силах вытолкнуть хотя бы слово.

Алексей взял за рукав женщину в косынке и повел ее по лестнице.

– Вы кого навещаете? – спросил он.

– К сыну приехала. Из Чувашии, – и смолкла. На площадке второго этажа смахнула слезу. – Его без ноги из Чечни привезли.

Алексей не нашелся, чем ее утешить. Пробормотал: «Живой, слава Богу!». Достал тысячную ассигнацию. Не слушая возражений, сунул женщине в карман кацавейки.

– Купите сыну гостинцев!.. Хирургия на третьем этаже. А мне сюда...

Он ожидал, что его приятель лежит, если не в отдельной палате, то в маломестной. Все-таки полковник, хоть и в запасе. Однако в палату было напихано двенадцать коек, и Рязанцева он обнаружил у самого входа. С голым черепом и отросшей клинышком бородой, он был похож на постаревшего Дзержинского.

– Привет, Валера! – сказал Алексей. – Ну, чего ты скис? – стал разгружать на тумбочку фруктово-овощную снедь и прочую, на взгляд нормального мужика, ерунду.

– Я не скис, – ответил Рязанцев.

– Что хоть стряслось, расскажи.

– Нечего рассказывать. Банально лопухнулся.

– А конкретнее?

– Давай не будем, а?

– Будем, Валера. Разобраться надо.

Тот попытался усмехнуться. Усмешка вышла кривой и болезненной.

– Хотел уесть одного мерзавца из адвокатской гильдии Уханова. А уели меня, – сказал и замолчал. Алексей терпеливо ждал. – Этот гад законтачил с прокуратурой и отмазал от суда одного казинщика. А на том клейма негде ставить. Повесил преступление на девку – стриптизершу.

– Ну и?

– Я с той стриптизершей встретился в изоляторе. А на обратном пути меня подкараулили... Вот и все...

«Додемократились!» – мысленно ругнулся Алексей.

– А что за казинщик, Валер?

– Из азиатов. Главарь преступной группировки. Интернациональной. Рэкет, наркотики, проституция. Казино – прикрытие. – Слова Рязанцев подбирал с усилием, но говорил внятно, будто контролировал себя.

– Кличку азиата знаешь?

– Юсуп. К нему не подберешься. На корню всех скупил.

– А адвоката из гильдии Уханова, как зовут, знаешь?

– Геннадий. Фамилия – Спирин.

Так! Вот и проявился! Но вывернулся. Значит, ценный кадр для братков, если Юсуп вмешался.

– Стриптизерша дала информацию?

– С двух сторон кассету исписал. Теперь ни кассеты, ни диктофона.

– Значит, следили за тобой. Тот, кто давал тебе разрешение на беседу, тот и навёл.

В мыслях Рязанцева тут же нарисовался вальяжный чин в генеральских погонах. Потом еще подполковник, улыбочивый, как мошенник новой формации. И тот и другой считались его хорошими знакомыми, и Рязанцев отбросил подозрения в их адрес. В его сознание всплыл образ чернявой девицы, которую привел угрюмый конвоир. У нее были глубокие пустые глаза и глуховатый прокуренный голос.

– Боюсь, что достанут девку, – сказал Рязанцев. – Узнай, жива или нет.

– Как ее зовут?

– Выступала под именем Лолита.

– Сделаю, Валер.

– Ты про себя расскажи. Где пропал?

– Нечего рассказывать.

– Не ври. Ты весь омолодился.

– Сам этому удивляюсь.

– Где же скрывался?

– В том-то и дело, что не знаю. Ощущение, что все это время проспал на берегу. А во сне что-то случилось. Хорошее или плохое – не понятно.

– Так ничего и не помнишь?

– Нет.

– Между прочим, Леночке я не сообщил о твоей кончине. Духу не хватило.

– Какой Леночке?

Рязанцев глянул на Алексея, как на помешанного. В его мыслях скользнуло: «Видно тоже стукнули по мозгам – полный склероз у мужика». Алексей виновато улыбнулся, соглашаясь с другом.

– Напомни, – попросил.

– Ты что, свою маленькую дочку забыл?

В голове Алексея будто лопнул шар. Палата и ее обитатели бесшумно ускользнули за горизонт. Наплыла и тотчас стала таять темнота, и издалека донесся нетерпеливый клич петуха.

– Ты носитель гена, – сказала Оника. – И сумел передать его новой жизни.

– Что ты имеешь в виду?

– Сам знаешь.

Перед его взором расстелилась асфальтовая дорожка. На ней появился смутный силуэт девочки на самокате. Она резво катилась по тротуару, а следом за ней семенил трусцой он сам. Самокат вдруг вырвался из ее рук, и она упала... Асфальтовая дорожка исчезла, вокруг была зеленая трава и со стороны озера доносилась приглушенная музыка.

– Вспомнил? – услышал Алексей голос Рязанцева.

– Затмение нашло, Валера. Алёнушку забыл! Сегодня же позвоню, узнаю, что и как. Да и съезжу к ним.

Видимо, мертвый час закончился, потому что палату начали заполнять посетители. Сразу стало шумно от говора, шелеста пакетов, звяканья посуды. Палатная дверь снова открылась, и появилась жена Рязанцева – Валентина. Увидев Алексея, на мгновение застыла, затем храбро шагнула и села на кровать мужа.

– Можешь меня потрогать, – сказал ей Алексей, – я не призрак.

– Все равно какой-то не такой.

– Какой был, такой и остался... Ладно, не буду вам мешать. Проводи меня до выхода, Валь, пошептаться надо... А ты, Валер, кончай сачковать, выздоравливай.

Валентина нехотя поднялась с кровати, вышла следом за Алексеем.

– Почему Валерку в этот клоповник затолкали? – спросил. – Он же полковник!

– Хорошо, хоть сюда поместили. Двое суток в коридоре лежал, мест не было.

– Куда же делись палаты на два-три человека?

– Их в коммерческие переоборудовали.

– Вот бардак! Сейчас зайду к начальнику госпиталя и устрою ему маленький сабантуй. Военную лечебницу в притон превратил! Пускай переводит Валерку!

– Ради Христа не надо!

– Почему не надо?

– Даже если переведут, то потом залечат! Я нужные лекарства сама покупаю, возьмут и подменят их! Недолго осталось. Капельницу уже сняли. Как разрешат ходить, домой заберу. Таблетки и дома можно глотать...

Алексей понимал, что она по-бабски права, а до социальной справедливости ей дела нет в той ситуации, в которую окунула ее раздолбанная жизнь конца XX века. Желание ее нельзя было не уважить.

Его внимание отвлекла преодолевшая недавно вахтерскую преграду расфуфыренная мамзель. Она выплыла из палаты напротив в сопровождении оплывшего мужика-грузовика. Тот по-хозяйски потерся небритой щекой о ее щеку, и Алексей определил по ее пухленькому лицу, что ей не больше двадцати. А солидность от вальяжной походки и дорогих шмоток. Мужик-грузовик вернулся в палату, а молодушка-меховушка прошествовала по коридору, оставляя за собой духовитый шлейф парфюма.

Валентина проводила ее презрительно-завистливым взглядом.

– Я тебя понял, Валь, – сказал Алексей. – Иди к своему Дзержинскому.

– Какому Дзержинскому?

– Валерка с бородкой – копия Железный Феликс...

Дождавшись, когда она скроется в палате, Алексей без стука и без цели распахнул дверь, из которой появилась молодушка-меховушка. Наверно, толкнуло подспудное любопытство: что за болезнь приключилась с мужиком-грузовиком.

Судя по всему, его палата была двух или даже трехкомнатной. Виден был только холл. Болящего в нем не было. В кресле дремал то ли личный сторож, то ли холуй. Увидел непрошеного визитера, прижал палец к губам и, не поднимаясь с кресла, просипел:

– Низ-зя! У хозяина пивной час.

Хорош больной! Алексей сплюнул на ковер, вышел, не прикрыв дверь, и направился на выход. Вахтер, увидев его, вытянулся в струнку и преданно стриг глазами, пока тот спускался к нему. Алексей взял его за пуговицу и проникновенно спросил:

– Все понял, толстомясый?

– Так точно...

Миновав проходную госпиталя, Алексей невольно остановился. Он явственно ощутил, что кто-то сверлит его взглядом. Однако никого подозрительного поблизости не наблюдалось. Даже не было ни одной припаркованной машины. Караульный, сидя на табурете, безмятежно прочищал пальцем бугристый нос. Спешили по своим делам прохожие. И все же зуд от сверлящего взгляда не проходил и даже в какой-то степени беспокоил.

Алексей отмахнулся от беспокойства и двинулся к метро.

Выйдя на «Авиамоторной», он не пошел домой, а завернул в скверик, где недавно отделал двух дебильных недорослей с золотыми цепурами. С той минуты, как он вспомнил Аленушку, в сердце немимым укором торчала заноза.

В сквере было сухо, по-осеннему прохладно. Скамейки пустовали. Он уселся, достал мобильник и набрал четко высветившийся в памяти алма-атинский номер.

– Алё! – услышал он голос дочери.

– Аленушка, – произнес почти шепотом.

– Папка! – воскликнула дочь и повторила: – Папка! Куда же ты делся? Обещал приехать, и исчез! Заболел, да?

– Да, дружок. Маленько приболел. Но сейчас все в порядке.

– Что с тобой было?

Алексей хотел придумать какую-нибудь пустяковую болезнь, но заноза в сердце не позволила.

– Что-то с головой было, – признался он. – А ты как, моя маленькая?

– Я не маленькая, папа. В одиннадцатый класс пошла.

Он почему-то удивился, и у него непроизвольно вырвалось:

– Сколько же тебе лет, Аленочка? – и сам поразился своему вопросу. Но он и в самом деле не мог вспомнить, сколько лет его умненькой дочери.

Она, видимо, тоже была поражена, запнулась с ответом. Затем настороженно произнесла:

– Четырнадцать исполнилось... Ты же звонил мне в день рождения. Пап, наверное, ты не до конца выздоровел?

– До конца, дружок. Постепенно прихожу в норму... У вас все в порядке? Никто не болеет?

– Нет. Мама сейчас на работе. Бабушка в огороде. Позвать?

– Не надо. Через недельку я приеду, и обо всем переговорим.

– Ой! Правда, приедешь?

– Конечно.

– Я люблю тебя, папа...

Алексей сидел на скамейке, но был далеко и от скверика, и от сонного Острова, и от сегодняшнего дня. Будто перетек в иной мир и в иное, хотя и не столь давнее время. В том мире были другие ценности, и еще не было человечка со сказочным именем Аленушка.

Перестроечная командировка

1

В тот год горбачевская гласность набирала обороты, будоражила умы и вызывала радужные видения. Лишь их старый и мудрый главный редактор, которого демократы обозвали застойщиком, был по-обычному сдержан и со снисхождением взирал на ошалевших от перестроечных лозунгов корреспондентов. Он и объявил Алексею опять же с заметной снисходительной усмешкой:

– Вам предстоит трехмесячная командировка в Киргизию. Поможете перестраивать средства массовой информации. Завтра в девять утра на инструктаж в ЦК.

Инструктировал журналистов сам Егор Кузьмич. Он и мандат подписал. Алексею достался город Пржевальск вкупе с Иссык-кульской областью.

Там, в местной газете, он и встретил пухлогубую Анютку, с родинкой над верхней губой. Диковатая, упертая, чуряющаяся междусобойчиков и штатных торжеств, она выглядела довольно странно в редакционном муравейнике. Но была с царем в голове.

Алексей сразу выделил ее из других журналистов. Давал самые шепетильные по тем временам задания – про обкомовские кормушки, охотничьи дачи с саунами. Знать бы тогда, какие то были крохи по сравнению с привилегиями дорвавшихся до власти перестройщиков!..

Анюта почувствовала его мужской интерес и возвела между собой и ним бетонную стенку. Однажды он исхитрился подвезти ее на выделенной ему обкомовской машине домой. Жила она в частном домике на окраине вдвоем с матерью-учительницей. Про мать Алексей узнал из кадрового дела журналистки. Заодно выяснил, что Анюта не замужем, что ей недавно минул тридцатник, а значит, она моложе его на семнадцать лет.

Подвез он свою подопечную к дому, довел до дверей, рассчитывая на вежливое приглашение. Но она юркнула в сени, забыв сказать «до свидания»...

В майский День печати пишущая братия решила расслабиться на берегу Иссык-Куля! Водка в те поры была в большом дефиците из-за провозглашенной борьбы за трезвость. Но трудовой люд лозунгами не проведешь! Даже интеллигенты освоили самогонование, и любой гость, когда бы ни объявился, врасплох застать хозяев не мог. А уж что касается праздников – не на сухую же их отмечать!

Анюта поначалу отказалась участвовать в пикнике. Но Алексей уговорил ее не отрываться от коллектива. Расслаблялись, кто как мог. Анюта сидела вместе со всеми и в то же время одна, отгородив себя от компании и от достархана, устроенного на самой верхушке невысокой скалы. А за Алексеем наперебой ухаживали две редакционных Татьяны.

Ближе к вечеру на берегу объявилась прямая, как палка, старушенция, смахивающая на цыганку. Села под скалой и стала жевать ломоть хлеба. А у них, наверху, скатерть была заставлена складчинной домашней снедью.

– Мать, идемте к нашему столу! – позвал старуху Алексей.

Та никак не отреагировала. Он наполнил миску пирожками, вытянул из кучи курицыну ногу, налил в одну кружку сладенького домашнего винца, в другую – квасу. Спустился к ней.

– Поешьте.

Она глянула на него выплывшими глазами. Приняла гостинцы. Вино медленной струйкой вылила в расселину скалы. Опять поглядела, на этот раз пристально. Взяла его левую руку, ощупала ладонь, приблизила ее к глазам. Сказала:

– С чужими живешь.

– То есть как, с чужими?

– Твои – там, – кивнула неопределенно головой. – От них корень.

Тронулась, верно, умом, подумал Алексей. Но руку не высвободил. Не хотел обижать старую женщину. Да и любопытно было. Спросил не без подвоха:

– Можете сказать, сколько у меня детей?

– Сын и дочь.

– Дочери, к сожалению, нет.

– Будет. Корень ей передашь.

Алексей усмехнулся.

– Старый я уже, бабушка.

– Молодым станешь.

– И помру молодым?

– Ты не помрешь

– Как так?

– Маяться будешь. Спасая, спастись станешь.

– От кого?

– От себя... Ступай в гулянье...

Гадалка, высветившаяся в памяти Алексея, вдруг показалась ему завязанной на его Остров. А может, и она привиделась во сне?.. Нет, гадалка была в яви. Алексей запомнил ее лицо, сухое, слегка скуластое, с бездонными темными глазами.

Цыганка напроорочила тогда, что он станет молодым. Так ведь и помолодел. Наворожила, что он маяться будет и, спасая, будет спастись... Кого, спасая и от чего?..

У Алексея было ощущение, что он слышал это не только от гадалки, но и еще от кого-то. И всё каким-то образом накладывалось на островной сон.

Тогда, на Иссык-кульском берегу, он не сразу поднялся на скалу, где тусовались мастера и подмастерья пера. Какое-то время еще стоял у самого уреза воды, настраивая себя на волну праздника. Даже не заметил, как и куда исчезла гадалка. Чудит старая, – подумал. – Хочешь – не хочешь, а к старости все впадают в детство... И поднялся наверх.

Незадолго до конца командировки случилась история с областным прокурором. Анята раскопала, что он отмазал от суда двух своих родичей-взяточников, и накатала убойную статью. Редактор, тощий, как туберкулезник, грустно произнес:

– Я не самоубийца, чтобы такое печатать.

Алексей, которого от самоубийства ограждала бумага, подписанная самим Егором Кузьмичом, посоветовал ему:

– Заболейте. Номер подпишу я, как редактор-консультант.

Тот охотно заболел. Газета вышла с Аняткиной статьей. С утра пораньше ее и тощего редактора вызвали в обком. Вернулась она, как съездившийся осенний лист.

– Выгоняют, – произнесла еле слышно.

– За что? – не поверил Алексей.

– За клевету. По решению коллектива.

– Какого коллектива?

– Нашего. В четыре всю редакцию в обком, к Первому секретарю. Я не пойду.

– Пойдешь. А то любить перестану.

– Не надо меня любить...

Собрание шло по сценарию. Обкомовский босс обозвал Аняту клеветницей. Секретарь редакционной ячейки объявил, что таким, как она, не место в журналистике. Профкомша с праведным гневом предложила изгнать ее из коллектива. Отмолчавшийся редактор, казалось, совсем усох. Анята сидела, ни жива, ни мертва.

Дело шло к голосованию. Но Первый хотел выглядеть демократом, как того требовала перестроечная мода.

– Еще выступить есть желающие? – спросил растерявшую всю бойкость газетную братию.

Желающих, кроме Алексея, не нашлось. Взгромоздившись на трибуну, он, как заправский демагог, обратился не к залу, а к президиуму во главе с Первым:

– Эркен Пулатович, вы сорвали сегодня график выпуска газеты. Сдернули всех с работы вместо того, чтобы самому подъехать в редакцию. Не по-партийному получается.

Тот, явно не ожидавший такого выпада, выпучился на Алексея. Побагровел. Открыл рот, но тут же закрыл.

– И клеветы не было, Эркен Пулатович! У меня есть все копии документов. И некоторые – с вашей фамилией.

– Что вы себе позволяете? – обрел тот, наконец, голос. – Я позвоню в ЦК и потребую, чтобы вас отозвали!..

За решение изгнать Анюту проголосовало больше половины ее коллег. Редактор, две Татьяны и еще несколько человек рук вообще не поднимали.

– Единогласно, – объявил Первый...

Целый вечер Алексей пытался дозвониться до Москвы по номеру, продиктованному помощником Егора Кузьмича на случай ЧП. Сидевший рядом, похожий на нахохлившуюся птицу редактор уныло проговорил:

– Заблокировали, не дадут связи – И вдруг, встрепенувшись, спросил: – Документы с собой?

– Да.

– Едем в военный санаторий. Начальник – мой знакомый. Поможет дозвониться. И документы для сохранности у него оставим.

– Неужто украсть могут?

– У нас все могут. Обкомовскую машину отпустите возле гостиницы. Поедем на моем «Запоре», – так он величал издававший виды «Запорожец».

Начальник санатория сам вызвал «Рубин» – военный позывной Москвы. Телефонистка, услышав цеховский номер, соединила в мгновение ока. Ответил бесстрастный мужской голос. Алексей изложил суть конфликта.

– Продиктуйте стенографистке! – приказал голос...

Возвратившись в Пржевальск, Алексей обнаружил, что кто-то побывал в его гостиничном номере. Шарили, не особо маскируясь. И его кабинет в редакции не оставили без внимания.

Анюта на работу не вышла. Корреспонденты явно избегали московского консультанта. Лишь две Татьяны улыбались с любопытством и сочувствием. День полз, как скрипучая арба по бездорожью.

На следующее утро, едва Алексей продрал глаза, к нему в гостиничный номер заглянул редактор. Поманил пальцем. В коридоре сказал, понизив голос:

– «Запор» внизу. Жду.

– Конспирация?

– Угу.

До работы оставалось еще больше двух часов. Утро было безоблачным и птичьим. «Запор» натужно гудел, карабкаясь по горной дороге, и догуделся до густого ельника, где и остановился.

Алексей не выдержал, спросил:

– Что случилось?

Не отвечая, редактор вытащил на полянку свой потрепанный рыжий портфель. Расстелил на траве газету с Анютиной статьей. Выложил бутерброды и выставил бутылку коньяку.

– С утра пораньше? – удивился Алексей.

– Есть повод.

– Какой?

– Прокурора снимают. А первого секретаря на ковер во Фрунзе вызвали.

– Откуда информация?

– От обкомовской сороки.

Ай, да телефонный номер с бесстрастным голосом! Ай, да Егор Кузьмич!

С началом рабочего дня обкомовский курьер привез в редакцию официальный ответ на статью: «Расследованием установлено... факты подтвердились... отстранен...».

Алексей послал за именинницей машину. Редактор с отсутствующим видом читал гранки. Газетный народ слонялся по углам и шушукался. Секретарь ячейки был застенчиво тих и сторонился разговоров с коллегами. Две Татьяны откровенно насмеялись над ним и восторженно жевали Алексея глазами. Приехавшая в редакцию Анюта холодно произнесла:

– Спасибо, – и отвернулась.

Командировка близилась к концу. Алексей больше не загружал Анюту заданиями. Не заходил в их забитую под завязку комнату. Не приглашал в свой кабинет. В пятницу под вечер она сама заглянула к нему.

– Вы когда уезжаете?

– В среду.

– Мама приглашает вас завтра в гости.

– А ты?

– Я... тоже.

Неужели стена рухнула? Как же поздно она рухнула! А рухнула ли?..

Анютина мать чопорно представилась: «Ирина Семеновна». Пригласила к столу. Манты брызгали соком. Отоваренная по талонам и настоящая на облепихе водка соколом летела под малосольные огурчики. Анюта рюмку лишь пригубливала и почти ничего не ела.

Хмель снял первоначальную неловкость, раскрепостил язык. Алексей живописал московскую митинговую жизнь, в которой можно орать о чем угодно и наезжать на кого угодно. Жалел гонимого партийца Ельцина, никак не предполагая, что через шесть лет станет плевать при одном упоминании его фамилии. Обе слушали, как сказку, и вздыхали.

Затем Анютка вышла на кухню. Ирина Семеновна сказала:

– Вот вы уедете, а ее выгонят.

– Не позволим! – самоуверенно заявил Алексей.

– Она ведь у меня совсем беззащитная. Родилась слабенькая. Пошла только в два года. Росла молчком. Да и сейчас постоять за себя не может.

– Не скажите! Пишет, как бритвой режет.

– Когда пишет, смелая. А потом шишки считает и трясется от страха.

– Я вам оставлю свои телефоны. В случае чего дайте знать.

– Не надо телефонов, – сказала Анюта, входя с блюдом с пирожками.

– Не слушайте ее, Алексей Николаевич, – нахмурилась мать и стала собирать со стола тарелки.

Анютка дернулась помочь ей. Она отмахнулась: сиди!

В бутылке еще оставалось, и Алексей сам наполнил рюмку-патрончик. Анюта метнула на него обеспокоенный взгляд. Он в ответ опрокинул настойку в рот и произнес:

– Не беспокойся, дотопаю. Проводишь меня до калитки?

Она согласно кивнула.

– Поцелуешь на прощанье?

В глазах ее заметалась растерянность. Родинка над губкой неуверенно шевельнулась и замерла. И Алексей еле расслышал:

– Глупо!

Появилась с чайником в руках Ирина Семеновна.

– Никак уходить собираетесь, Алексей Николаевич? Как же до гостиницы доберетесь? Автобус уже не ходит. Такси здесь не поймаете. Может, переночуете?

Это было уже что-то. Только где ему постелят? На раскладушке в Анютиной комнате?..

– Не стесню? – ответил он вопросом.

– Анюта! – крикнула мать. – Алексей Николаевич ночует у нас...

Перед сном, пока Ирина Семеновна готовила постели, они сидели с Анютой на крыльце. Он пытался ее обнять. Она увертывалась. И вообще была холодным речным валуном. Неживой женщиной была! Вывернулась из его рук и скрылась в избе.

Он пожалел, что не ушел в гостиницу. Тупо сидел на крыльце, пока не вышла ее мать. Помолчала, облокотившись на перила, затем спросила:

– Ваши-то, наверно, уже соскучились?

Алексей не собирался строить из себя холостяка, и семейная тема была совсем не к месту.

Ответил сухо:

– Они привыкли к моим командировкам...

Спал он на узкой Анютиной кровати. Сама она устроилась с матерью на диване. И маячила перед ним, как сексуальное наваждение.

В Москву он улетел на день раньше срока.

Столица бурлила. Народ громогласно, непонятно от кого требовал непонятно что. Ельцин в сопровождении своего крестноносца-охранника всем обещал райскую жизнь. Перестройщики поливали армию помоями. Политуправление пытелo от натуги, придумывая, как и чем защитить ее от нападoк голодных демократов. Придумалo. Создалo роту военных писателей, чтобы они оперативно прославляли доблестные вооруженные силы.

В нее рекрутировали и Алексея.

Новая служба оказалась непыльной и ненатужливой. Пиши, хоть дома, хоть на рыбалке, хоть в туалете. Приноси готовый продукт и гуляй! Гулять Алексей не собирался: либо тмился от безделья, либо крапал что-то невразумительное.

Прошло больше полгода, как он уехал из Пржевальска. Заноза по имени Анюта уже не беспокоила. Она лишь изредка мелькала в горном далеке, бестелесно и ненавязчиво. Так бы и осталась для Алексея неспетой песней, если б однажды не затрезвонил межгород. Он не признал женский голос, пока не услышал:

– Это мама Анюты.

– Что-нибудь случилось, Ирина Семеновна?

– Анюту уволили.

– А куда же редактор смотрел? – нелепо удивился он.

– Его тоже выгнали. Дом мы продали, уезжаем к сестре в Алма-Ату. Она нашла нам полдома по сходной цене на улице Богенбай-батыра. – Ирина Семеновна сделала паузу, явно намереваясь сообщить что-то еще. Он ждал. Она сказала: – Анюта переживает, Алексей Николаевич. Напишите ей, подбодрите. Я вам сейчас алма-атинский адрес продиктую...

Письмо он написал чисто дружеское. В конце не удержался: пригласил Анюту в Москву. По инерции пригласил, намекая на свое постоянство. А на приезд и не рассчитывал. Однако адрес дал – «до востребования».

Каково же было его удивление, когда примерно через месяц почтовая барышня протянула ему конверт. В нем была всего лишь Анютина записка: купила билет, поезд..., вагон...

Алексей даже растерялся. Где поместить гостю? Цены в гостиницах так взлетели, что никаких штанов не хватит. Да и на мели он сидел. Зарплату семья съедала. С гонорами везде был облом... Разве что на дачу к Рязанцеву?.. Друг у него сэкономил на всем, вернее, не друг,

а его жена Валентина – вот и возвели на полученном от редакции участке халабуду, в которой летом вполне можно было спрятаться от дождя. Но поедет ли туда с ним Анютка? Она же – холодный речной валун! Однако не глупая, должна соображать, чем это кончится.

Выхода все равно не было. Забрал у Рязанцева запасные ключи от халабуды. Выцыганил у его жены триста рублей до получки. Заранее завез на дачу продукты, выпивку и даже, на всякий случай, свое рыбацкое снаряжение. Дома сказал, что уезжает в командировку. И отправился на вокзал встречать гостью.

Она вышла из вагона с легким чемоданчиком, неуверенная, растерянная и сильно похулевшая. Только родинка на губе осталась прежней. Поздоровались они за руку, словно мало-знакомые люди. Пошли по перрону. И впервые Алексей не знал, о чем говорить. У входа в метро произнес с вопросительной интонацией:

– Едем на дачу к моему другу.

– Там кто-нибудь есть?

– Только ты и я.

Она обречено промолчала...

На даче они сидели за неустойчивым, покрытым пестренькой клеенкой столом. Ели. Пили коньяк. Анютка храбро и с заметным отвращением выпедила две рюмки.

– Не могу больше, – проговорила.

– А ведь нам придется вместе спать, Анюта, – сказал он то, что занимало его больше всего.

Она вспыхнула. Кинула обреченный взгляд на кровать с панцирной сеткой. Опустила голову. Произнесла полушепотом:

– Знаю...

В комнате было темно, как в берлоге. Но ему казалось, что он видел лицо Анюты. Освобождал ее от ночной рубашки, от лифчика, от всего...

Позже, когда уже произошло то, что и должно было произойти, он пожалел, что не видит ее лица. Не мог взять в толк, как же она дотерпела до тридцати лет и не познала мужчины? Как же решилась вот так, вдруг, в чужом городе и без надежды привязать к себе самого первого?..

Какое-то время оба молчали. Потом он, стараясь ее не встревожить, спросил:

– Почему ты пошла на это, Нюрочка?

И стал гладить ее лицо и волосы – похоже, баюкал ребенка.

– Мне стыдно, – прошептала она.

– Все будет хорошо, – сказал он, понимая, что хорошего ей ждать неоткуда.

– Я люблю вас.

– Теперь-то зачем на «вы»?

– Не знаю.

Его тревожил еще один вопрос. Но он опасался напугать ее. А спросить надо.

– Ты не боишься забеременеть?

– Пусть.

– Как пусть? У меня же семья, Анюта!

– Я сама воспитаю.

– А мама что скажет?

– Она уже сказала: если в доме нет детского смеха, в нем поселится ужас...

Они не покидали дачу трое суток, пока не съели даже запасы Рязанцевых. В субботу должны были приехать хозяева. Узнав об этом, Анюта впала в панику. Знакомство с посторонними людьми пугало ее, как кошулю, почуявшую охотника. И как за спасительную соломинку, она ухватилась за его предложение сбежать на это время на рыбалку.

2

Остров с заповедной заводью пришлось отставить. До него надо было добираться два часа на электричке и три – пешком с рюкзаками. Комфортнее – с Речного вокзала на катере. Он ни разу не был на людном Пестовском водохранилище, но знал, что красивых мест там хватает...

Сошли они на безлюдной пристани с голыми болотистыми берегами. А на той стороне густел сосновый бор, виднелись песчаные бухточки. Надо было искать оказию, чтобы переправиться.

Оказия в виде прогулочного катера сама подтархтела к причалу. Моторист неожиданно предложил:

– Садитесь.

– Сколько возьмешь? – спросил Алексей.

– Шутить изволите? – осклабился тот. – Роберт Леваныч и так вас заждался.

Кто кого заждался, Алексей выяснять не стал. Забросил в катер рюкзак, снасти и палатку, усадил на корму Анютку и сам уселся, приобняв ее.

Моторист правил почему-то наискосок, туда, где виднелись в соснах нарядные строения. И не успели они очухаться, как показался аккуратный причал, какие-то люди на нем. Пришвартовались. Перевозчик почтительно доложил чернокудрому молодцу в адидасовском костюме и с биноклем:

– Так что доставил, Леваныч.

– Прошу! – произнес тот и галантно подал Анюте руку.

Моторист выставил на пирс их рыбацкие причиндалы. Адидасовый молодец недоуменно поглядел на них. Протянул Алексею поросшую черными волосами руку:

– С прибытием, Алексей Альбертович! – его явно принимали за кого-то другого, но по имени получилось в яблочко. – А где же Борисыч?

Алексей слыхом не слыхал ни про Борисыча, ни про Альбертовича, но не признаваться же в этом!

– Борисыч задерживается по о-очень, – с нажимом и намеком произнес он, – уважительной причине. А меня, Роберт, называй просто по имени.

– Понимаю, – заулыбался Адидаас. – Комнаты готовы. Телевизор заменили. Уха ждет. Сауна, как и заказывали, вечером.

Анютка с испугом взглядывала на Алексея, явно не понимая, что происходит. Он тоже не понимал, но кивнул ей ободряюще. И соображал, как выкрутиться.

– Мы с подругой решили по рабоче-крестьянски, – сказал небрежно, – в палатке. Даже с собой вон прихватили, – кивнул на рыбацкие пожитки. – До приезда Борисыча.

– Зачем так, дорогой Алексей? – возражающе произнес хозяин.

– Надоели стены и сауны! Душа простора жаждет!

– Простор организуем. В заказник определим.

– Никаких заказников! Дикарями! Сам должен понимать, Роберт.

– Понял. – И скомандовал кому-то из помощников: – Подготовьте двушку! И все, как полагается! – Повернулся к Алексею: – Первую для Борисыча держим, не признает других.

Лодка под номером два оказалась сухой и небесно чистой, как из магазина. В кормовой отсек были загружены две картонные коробки, в носовой – свернутый рулоном двуспальный надувной матрас. Алексей усадил на корму Анюту, покидал в лодку рюкзаки и спиннинги и сел за весла. Адидаас помахал им, и они отчалили от пирса.

Когда отплыли, Анюта испуганно проговорила:

– Нас же приняли за других. Выяснят – побьют!

– Отбиваться будем, Нюрочка, – храбро пошутил он, однако спокойствия на душе не было.

Высадились на песчаном мысу. Алексей поставил под соснами палатку. Распотрошил презентованные адидасовым Робертом коробки. В одной оказалась посудная утварь, в другой – коньячный набор и куча банок с иностранными этикетками, судя по всему, со склада гуманитарной помощи. Во времена Горбачева съедобные подачки за проданные державные секреты были популярны. Не успел он рассортировать продовольственное богатство, как услышал звук мотора и увидел направлявшийся к ним катер.

– Разоблачили, – потерянно произнесла Анютка и начала торопливо укладывать продукты обратно в коробку.

Однако то был всего лишь их знакомый перевозчик.

– Начальник мебель прислал и дрова для костра! – прокричал он, причаливая.

Навыбрасывал на берег ворох березовых поленьев. Вынес к палатке раскладной стол и три матерчатых кресла. Одно было явно лишним. Но моторист сказал по этому поводу: «Приказано!»

Чудеса продолжались и вечером. Алексей исхитрился наловить рыбьей мелочи и сварить уху. Анюта собрала на стол. Они уселись в кресла, ровно белые люди под пальмами. И тут объявился сам Адидаас. Пришел по берегу. На шее тот же бинокль, в руках фонарь-прожектор.

– Борисыч так и не приехал, – сообщил с печалью в голосе.

– Обстоятельства! – со значением ответил Алексей.

– Знаю эти рыжие обстоятельства.

– Что поделать, красота требует жертв.

– Вах! – скривился Адидаас. – Женщина без тела, что петух без голоса.

Он сам раскупорил коньяк и возложил на себя обязанности тамады. Первый тост поднял за Борисыча. И вообще тот незримо присутствовал в продолжение всего берегового ужина, на котором Алексей оказался в роли его полномочного представителя.

– Напомни ему, дорогой, про машину и холодильную камеру, – попросил Адидаас после очередного тоста.

– Обязательно.

– И с актами на списание пусть поторопится, пока в отчетности бардак.

– Акты уже подписаны и утверждены! – погнал волну подвыпивший Алексей.

– Ну?! – оживился Адидаас. – На оба катера?

– На оба.

– Чего же молчал, дорогой?

– Об этом должен был объявить сам Борисыч.

– За такой сюрприз полагается...

Перед тем, как отбыть на базу, он спросил:

– Может, завтра сауну?

– Нет. Мы уезжаем. Тем более Борисыча рыжая вобла не выпустила. Добросишь до пристани?

– Вах! Как есть – вобла!.. Когда вам транспорт?

– К девяти...

Анютка как-то разом успокоилась. И даже раскрепостилась, обнимая ночью Алексея. И впервые назвала его на «ты»...

Адидаас появился в срок. Передал для Борисыча аккуратно упакованную коробку, как потом оказалось, с двумя глиняными бутылками рижского бальзама и двумя – коньяка «Ахтамар». И Алексею вручил глиняную бальзамную бутылочку. Пригласил приезжать в любое время. Скомандовал мотористу:

– К «Голубому заливу»!

Высадившись на пристани, они перевели дух. Освобождено помахали вслед катеру. И когда тот скрылся за поворотом, потопали, нагрузившись, в сторону боровой сопки. Там

они спокойно прожили еще трое суток. Пили мягкий коньяк «Ахтамар», ели уху и адидасовы деликатесы. И обпивались чаем с рижским бальзамом.

Через девять месяцев в Алма-Ате родилась Аленушка...

Покушение

1

Все последнее время Алексея не покидала мысль: кто же он теперь такой? Не находя ответа, спрашивал себя: к добру или к худу происшедшая метаморфоза? Раньше такой вопрос вообще не пришел бы ему в голову... Хитрил ли он в жизни? Получалось, что хитрил... Обманывал ли женщин? Выходило, что обманывал, хотя никогда им не врал. Его принцип: «не врать» тоже был хитрым ходом: брошенная подруга, хоть и злилась, но вынуждена была себе признать в том, что никто ничего ей не обещал. А с сыном как? Все в Алексее кричало: к сыну хорошо относился! Но было ведь, было, что себя ставил наперед ребенка, когда пёкся о своих удовольствиях...

Перед ним вставала его маленькая умненькая дочь. Ему казалось, что уж тут-то ему не в чем себя упрекнуть. Но все равно он ощущал чей-то немой укор...

После телефонного разговора с Аленушкой его дни были заполнены хлопотами. Алексей бестолково шатался по бутикам, покупая для дочери то, что на его взгляд, было ей необходимо: дубленку, кроссовки, костюм с красными оборками, трубку сотового телефона с фотокамерой. И еще – официальные подарки. Ирине Семеновне – шерстяную вязаную кофту, Анюте с Аленкой – золотые цепочки со знаками зодиака.

И тут обнаружил, что денег у него не осталось даже на билеты. А надо было их много, чтобы оставить дочке на учебу в институте. Одних знаний теперь для этого мало, нужны средства, чтобы оплатить занятия. Дожили, даже образование для детей зависит от толщины кошелька!

Алексей не знал, где раздобудет приличную сумму, но почему-то это его не тревожило. Был уверен: придет час, и деньги появятся.

С такими мыслями он вышел из «Детского мира». И уже шагнул под арку, чтобы нырнуть в метро, когда ощутил спиной чей-то вороватый взгляд. Остановился у входа в подземку, оперся о колонну, оглядел заполненный торговцами пятак. Сигнал тревоги шел от кучки зевак, сгрудившихся подле наперсточника.

Он неторопливо подошел к толпе и тут же уловил: «Никак клиент лопухнуться решил напоследок!». Мысль эта оформилась в черепушке у парня, стоявшего сбоку, и явно относилась к Алексею. Но почему «напоследок»?.. Он, не маскируясь, оглядел сигнальщика. Назвать его парнем было, пожалуй, уже поздно. Лет тридцати с малым гаком, в приличном прикиде полуспортивного покроя, длинноволосый, но с аккуратной прической, в очках в массивной оправе. Судя по внешности, творческий работник. И не подумаешь, что из уголовников.

«Чего это он устался? – услышал Алексей. – Вроде как заподозрил!». Однако его лицо выражало лишь неподдельный интерес к наперсткам и к очередному лоху.

Понимая, что потащит наемника за собой, Алексей, не оглядываясь, двинулся к входу в метро. В душе не было ни беспокойства, ни опаски, хотя мелькнувшее в голове «творческого работника» слово «напоследок» имело только одно толкование. Кому-то Алексей не понравился. Причем настолько сильно, что этот кто-то решил от него избавиться. И подослал интеллигентного спеца «по несчастным случаям».

Алексее захотелось сказать ему: «Не глупи, дурачок! А то ведь и сам окажешься „напоследок“!». Но тот был вне поля зрения и объявился лишь на подземном перроне.

На станции «Кузнецкий мост» всегда столпотворение, в центр столицы стремятся все приезжие. Даже в эту послеполуденную пору толпа бурлила, суежилась на перроне поближе к вагонным дверям. Наемник вклинился в толчею и оказался за спиной Алексея. Все было

ясно, как божий день. Даже не имело смысла подслушивать его мысли. Сейчас покажется состав, задние поднапрут на передних, и Алексей полетит на рельсы перед самым носом поезда.

А локомотив уже полоснул фарами по облицовке станции, выскочил из тоннеля и неотвратно приближался. «Пора!» – услышал Алексей. Прижав сумку с покупками, он резко сдвинулся влево в тот самый момент, когда напружинившийся «интеллигент» с силой двинул плечом, намереваясь толкнуть его в спину. Наверное, инерции ему добавила толпа. Оказавшись на самом краю платформы, он судорожно взмахнул руками и беззвучно рухнул прямо под колеса. Запоздало взвизгнули тормоза локомотива. Толпа ахнула и попятилась. Заверещал чей-то ребенок, и старушечий голос прошепелявил: «Господи, спаси!»

Алексей ничего не слышал. Для него приглушенно заиграла музыка, будто выплывавшая из глубины теплого озера. Он сидел на берегу один, зная, что женщина со странным именем Оника в этот раз не появится. Но голос ее продолжал звучать, как и прежде.

«Добро и насилие ходят рядом». Он мог бы ответить, что добро должно быть с кулаками. Так говорят на Земле. Но она его не слышала. «Чрезмерная жалость наносит вред» Конечно, жалость не всегда полезна, думал Алексей. От нее – попустительство и вседозволенность.

Алексей очнулся, когда его кто-то грубо отодвинул в сторону. И тут же в уши ворвался громкий и неприятный голос:

– Пр-рашу разойтись!

Лейтенант милиции в сопровождении краснофуражечной дежурной расталкивал толпу.

– Кому сказал, р-разойдись!

Люди отхлынули и замерли. Только продолжал всхлипывать малыш.

Алексее было наплевать на смерть наемника, хотя жаба сожаления на миг и толкнулась в грудь. Толкнулась и исчезла. Он не стал ждать, когда на ветке восстановится движение. Перешел на противоположную платформу и поехал в обратном направлении, чтобы перейти на кольцевую линию.

2

Клим переминался с ноги на ногу. Похожий на раздувшуюся бочку Юсуп делал вид, что в упор не замечает его. Сидел за столиком в пустом ресторанном зале казино, запускал столовую ложку в огромный торт и лопал его, ровно бы хлебал суп. Зад его едва умещался в кресле, жирные щеки подрагивали в такт челюстям. Короткие пухлые пальцы, унизанные перстнями, лоснились от крема. Наконец, он рыгнул, воткнул ложку в торт и повернулся к Климу:

– Шурши! – повелел.

– Промахнулся Интеллигент. Сам, типа, влетел с разбега на рельсы.

– Свинаячье ухо! – рыкнул Юсуп. – А этот, Утопленник?

– Слинял.

– Куда?

– Я с Интеллигентом остался.

– Его же задавило!

– Ну да. Я глядел, как его вытаскивали.

– Масла в твоём калгане нет! И баксов тебе нет!

Юсуп погрузился в мрачное раздумье. Откуда взялся этот похороненный утопленник? Соседи видали, как закапывали, а он живой!.. Заманил смотрящих за уродами в парк, а там, как они сказали, их поджидали еще четверо в масках. Почему Утопленник с них штаны снял? Для

понта?.. Откуда он знает баклана Клим? Этот придурок доложил, что тот знает и его самого... Зачем Утопленник ходил в больничку к писаке, который расколол кошелку Лолиту?..

Клим продолжал топтаться, сопел и шмыгал носом. Юсуп смерил его презрительным взглядом:

– Бери Жилу – и делайте стриптизершу. Упустите – на кол конкретно посажу!

Клим на полусогнутых удалился. Юсуп еще пару раз ковырнул ложкой торт. Ему всегда становилось не по себе, когда возникали заморочки. А с Утопленником – заморочек выше крыши. Кто за ним стоит? Если он человек свалившего за бугор Американца, то почему отказался от базара? Перетерли бы тему, и делов нет... А если конторщик?.. Не мог же Интеллигент сам сигануть на рельсы, кто-то помог ему... Значит, страхуют, и выходит, что копает Утопленник в чужом огороде не сам по себе... С этим надо разобраться, чтобы не залететь. И глаз с него не спускать!..

Самым неприятным для Юсупа было то, что придется обо всем доложить Зурабу. Высоко взобрался земляк, во власть втиснулся. Всех подмял и Москву поделил, как пирог. Доложить про Утопленника – значит, признаться, что сам закрыть тему не в силах. Зурабу, конечно, такой абрикос придется не по вкусу, но деваться некуда.

3

Алексей не стал ломать голову, где взять денег. Позвонил ласковому Бычку:

- Ты еще не раздумал дружить со мной?
- Всегда рад тебя видеть, дорогуша.
- Сегодня тоже рад будешь?
- Сегодня?..
- Я могу и передумать, Антон.
- Где хочешь назначить встречу?
- У тебя в офисе.
- А может, в кабаке забуримся?
- Нет, у тебя. Приготовь на всякий случай пять штук УЕ.
- Не много ли, дорогуша?
- Когда встретимся, решишь: много или мало. Буду у тебя в 16.00.

На этот раз издательская приемная пустовала. Бычков, увидев вошедшего Алексея и блеснув влажными глазами, поднялся из-за стола и, распахнув объятия, двинулся навстречу.

- Выгнал секретаршу? – спросил его Алексей.
- Она стучала? – задал тот встречный вопрос.
- И она тоже, – наугад ответил Алексей.
- Как? – издатель сменился с лица. – Неужели еще кто-то?
- Да, еще кто-то.
- Кто?
- Не торопись. Сначала скажи, стоит наша встреча пяти штук?
- Ты меня к стенке припираешь.
- Наоборот, Антон. Я от стенки помогаю тебе оторваться. Может, рассказать тебе про подставные фирмы-однодневки для сбыта продукции?

В голове ласкового Бычка заметались панические мысли. Алексей сумел зафиксировать два названия: «Гелиос-классик» и «Афина-пресс». Однако тот быстро сумел взять себя в руки и, улыбаясь, сказал:

- А вот тут ты, дорогуша, загнул.
- Тебе назвать фирмы?
- Назови.

– Гелиос с добавкой «классик» тебе о чем-нибудь говорит? Или Афина не Паллада?

Ласковый Бычок молча встал, подошел к сейфу, открыл его и выбросил на стол перед Алексеем перетянутую резинкой пачку стодолларовых ассигнаций. Сел напротив:

– Можешь не считать: пять штук. Поговорим серьезно?

– Поговорим.

– Откуда информация?

– От твоих сотрудников.

– От кого конкретно?

Алексей ничего не знал ни конкретно, ни, в общем. Но предполагал, что стукач, работавший на конкурентов, все равно есть. Того требовали волчьи законы бизнеса и вся рыночная система.

– Вызывай в кабинет всех нетворческих сотрудников, – сказал уверенно. – Складских работников – тоже. Скажи, что с ними хочет побеседовать психолог.

– Ты что, стукача только в лицо знаешь?

– Делай, Антон, что говорю.

Издатель вышел и почти тотчас же вернулся. Через несколько минут кабинет заполнился довольно бойкими молодыми людьми, которые с любопытством уставились на Алексея.

– Отдел менеджмента и рекламы, – представил их ласковый Бычок.

Алексей встал и объявил:

– В коллективе появился засланный казачок. Я знаю его в лицо.

Подошел к сотрудникам отдела, вглядываясь в каждого. Сказал:

– Свободны!

– Ну? – спросил Бычок, когда те вышли.

– Вызывай следующих.

Из бухгалтерии издательства на смотр явились восемь человек. Они тоже слышали от Алексея про засланного казачка. Информацию он снял только с грудастой большеротой кассирши: «Откуда этому психологу знать про лапочку Жеку?»

Остановившись напротив нее, Алексей участливо спросил:

– Как поживает лапочка Жека?

– Кто? – растерянно произнесла она. – Нет! – взвизгнула. – Не-ет! – и выбежала из кабинета.

– Ну, ты даешь! – серьезно и уважительно произнес ласковый Бычок.

– Мы еще не закончили, – отмахнулся от него Алексей.

– Неужели еще есть?

– Вызывай.

– Здесь только начальник складов и два моих зама. Я им доверяю.

– Как хочешь. Я не доверяю.

Издатель сам отправился за доверенными работниками. Те вошли и спокойно уселись в кресла напротив Алексея.

Он поглядел на них и спросил:

– Признавайтесь, кто из вас работает против владельца издательства?

Информация пошла сразу от двоих: заведующего складами готовой продукции и от первого зама. Причем, главный кладовщик мыслил спокойно и даже с каким-то чувством превосходства над другими. А первый зам явно намеревался утопить шефа собранным компроматом, чтобы самому занять его место. К нему Алексей и обратился:

– Собранный вами компромат вам не поможет. Считаю, что вы должны подыскать себе другое место работы. А вы, – обратился он к кладовщику, – решайте свои дела вместе с хозяином.

Когда троица покинула кабинет, ласковый Бычок какое-то время сидел, уставившись в стол. Затем поднял искривившееся лицо и сказал:

- Хочу напиться.
- Валяй, – ответил Алексей.
- А ты?
- Мне безалкогольного пива.
- Что так?
- Я уже объяснял, что в Тибете закодировали.
- Меня бы кто закодировал.

Он прошествовал к холодильнику, достал бутылку водки с позолоченной пробкой, две банки невского пива и бутерброды с сыром и черной икрой. Поставил на стол два фужера. Себе набулькала до краев из водочной бутылки, Алексею опростал пивную банку. Сказал:

– Извини меня за глупости, – и крупными глотками выдул фужер до дна. Вытер губы. Произнес со вздохом: – Ты, конечно, не скажешь, что у вас за контора?

- Не скажу.
 - Ментовку тоже под колпаком держите?
 - Держим.
 - Я так и понял. Мне кладовщика один авторитет вместе с ментовским полковником навязали. Вроде бы и надзор, и крыша.
 - Авторитет – Юсуп?
 - Ни хрена себе! О Юсупе тоже знаете?
 - Знаем.
 - И что же вы их не возьмете?
 - Рано, Антон. Но дело к этому идет.
 - Может, мою фирму крышевать станете?
 - Мелочевкой не занимаемся. А информацию копим.
 - Страшный ты человек, Алексей. Как я с тобой обмишулился, в толк не возьму.
 - Поймешь, когда поумнеешь.
 - Между прочим, ты продешевил со своей информацией.
 - А мне больше пока не надо.
 - Если понадобится, обращайся.
 - Может, и обращусь. Одно тебе скажу: выводил капитал из тени. Время пришло. Иначе опоздаешь.
 - Подумаю.
- Он снова наполнил свой фужер и выпил до дна.
- Может, к девкам закатимся, как в старые времена? – спросил, заметно опьянев.
 - Нет, Антон. Труба зовет.
 - Понятно: служба...

Алексей чувствовал себя опустошенным, как после долгой бессонной ночи. На него навалилась усталость, будто целый день таскал тяжелые мешки. Проблема с деньгами была решена, и теперь он хотел быстрее сесть в поезд. Не самолетом лететь, как вначале собирался. А занять полку в двухместном спальном купе и спать все трое суток до Алма-Аты. Однако в Москве оставалось еще одно дело: данное Рязанцеву обещание. Предстояло узнать, жива ли стриптизерша Лолита. Это можно будет сделать завтра. И со спокойной душой отправляться в бывшую столицу Казахстана на свидание с дочерью.

Однако до завтра ждать не пришлось.

Дома он застал Олега, покинувшего на сутки свою пассивность, чтобы обозначиться перед родителями. Сын наворачивал блины с красной рыбой и косил глазом на экран телевизора.

Вещала дикторша, не оставлявшая зрителей без ежедневных криминальных новостей. Поздоровавшись с сыном, Алексей присоединился к блинам, улавливая краем уха информацию о пожарах, убийствах и похищениях. Насторожился и уставился на экран, когда дикторша сообщила, что в одном из столичных изоляторов временного задержания обнаружен труп жрицы любви, примадонны популярного стриптиз-клуба.

Сначала шли крупным планом решетки и металлические двери. Затем во весь экран – фотография еще живой стриптизерши: так себе бабенка, даже полновата для своей профессии. Фотографию сменило закрытое простыней тело со сдвинутой в сторону голой ногой. И лишь после этого объявилась дикторша с подробностями.

Примадонна стриптиза выступала в ночном клубе «У Евы» под сценическим псевдонимом Лолита. Обвинялась она в ограблении казино. Накануне, по просьбе адвоката Геннадия Спирина, сославшегося на состояние здоровья подзащитной, была переведена в одиночную камеру. Дикторша предположила, что жрица любви страшилась наказания. Потому и покончила жизнь самоубийством, повесившись на капроновых колготках.

«Сукин сын! – отстраненно подумал Алексей в адрес адвоката Гены. – Подсуетился, чтобы повесили бабу. – Короткая у проституток жизнь».

Финансовая дама

1

В спальном купе скорого поезда «Москва – Алма-Ата» Алексей оказался вдвоем с полной молодящейся дамой, успевшей до его появления облачиться в шелковый павлиний халат. Поезд тронулся, и она принялась потрошить огромный баул. Выложила на столик жареную курицу, хлебный батон, огурцы, помидоры, соль и все, что требуется для обильной трапезы.

Алексей взял в дорогу только банку растворимого «Коломбо» и пачку рафинада. Рассчитывал на вагон-ресторан.

– Угощайтесь, – пригласила его к пиршеству дама.

– Извините, не голоден.

– А как насчет коньячку для знакомства? – она опустила руку в баул и извлекла бутылку молдавского «Аиста».

– Не пью, – отказался он.

– Даже одну рюмашку?

– Даже одну.

– Первый раз встречаю непьющего мужчину. Вы до Алма-Аты?

– Да.

– Я тоже. Трое суток нам вдвоем с вами ехать. Как вас звать-величать?

Не надо было никакого напряжения, чтобы поймать ее поползновения. Алексею стало тоскливо, но все же, скрепя сердце, он назвал себя по имени.

– А я – Майя. Но Майя – только для близких. На работе – Майя Эдуардовна. Вы в командировку?

Алексей внутренне чертыхнулся: надо же, как не повезло! Липучая бабенка, и намерена на форсаже закрутить дорожный роман. Сухо ответил:

– Нет. Не в командировку.

– По личным делам?

– По личным.

– Наверное, к женщине?

– К женщине.

– А у меня – деловая поездка. Я от коммерческого банка. Понимаете, Алексей, чтобы решить сложные вопросы, нужен профессионал. Я занимаюсь кредитами.

Ему было наплевать на кредиты, финансовых профессионалов, и он сказал ей:

– Извините, мне нужно на некоторое время удалиться. Я должен сбросить одного недобросовестного кредитора с поезда.

Она сначала не поняла. Затем ее глаза округлились:

– Что вы сказали?

– Не беспокойтесь, вас я не трону. Пейте, отдыхайте, – и вышел.

За вагонным окном проплывали здания и платформы электричек. Мелькнуло название станции «Новая», от которой до дома Алексея было десять минут хода. Поезд проскочил станцию «Выхино» и московскую Кольцевую дорогу. Началось лесистое, уже сбросившее нарядный багрянец Подмосковье.

Он стоял и бездумно глядел в окно, пока не ощутил затылком чей-то взгляд. Скосил глаза и увидел, как захлопнулась дверь купе, расположенного у туалета. Усмехнулся: «И здесь пасут». Открытие не обеспокоило Алексея, он уже привык к пастухам и был отчего-то уверен, что справиться с ними ему ничего не стоит.

Стало уже темнеть, когда поезд прогрохотал по мосту через Оку. Здесь он обычно высаживался с электрички и шел с рюкзаком по берегу к своему любимому острову, где, непонятно почему проспал, чуть ли не три месяца. Представил песчаный мысок, скрытый от посторонних глаз зарослями тростника, свою одноместную палатку на легком взгорке...

Он откатил дверь своего купе. Молодая дама спала поверх одеяла с открытым ртом и слегка похрапывала. Атласный павлиний халат задрался, оголив дрябловатые, но еще крутые ляжки. Остатки ужина заполнили весь столик, в центре которого красовалась ополовиненная бутылка «Аиста».

Он брезгливо поморщился. Поднял свалившееся на пол полотенце попутчицы и накрыл им столик. Разобрал свою постель, включил ночной свет и улегся, не сомневаясь, что мгновенно провалится в сон.

Однако желание спать улетучилось. Под стук колес воображение рисовало говорливые речные перекаты, тихие плесы и зеленые берега. Непонятно было, то ли это места, где он когда-то побывал, то ли незнакомые, навеянные тягой к бродяжничеству.

Так было, пока мысленный экран не заполнило серьезное и умненькое лицо Алёнушки, он так редко навещал в последние годы.

О том, что Алёнушка родилась, ему позвонила Ирина Семеновна. Он пообещал приехать, но постперестроечная смута ввергла его, как и большинство граждан бывшей великой державы, в нищету. Самые пронырливые торопливо грабили страну, в то время как два партийных босса, вознесенные стихией на вершину власти, озлобленно грызли друг друга.

Примерно через неделю после звонка Алексей увидел сон, в котором ему снова явилась исык-кульская цыганка с темным бесстрастным лицом. Она взяла его ладонь, глянула на нее и сказала шепотом:

– Спасай дочерь. Она твоё порождение.

Утром он позвонил Анюте и настойчиво посоветовал показать Алёнушку врачам. Через два дня она сообщила, что у дочки возможен церебральный паралич, и она вряд ли когда сможет ходить.

Алексей продал какому-то кавказцу свой именной инкрустированный кортик, врученный ему в свое время министром обороны как лауреату литературной премии. Обежал всех знакомых, занял, у кого сколько можно. И прилетел в Алма-Ату.

Улица Богенбай-батыра, была в советское время улицей Кирова. Она тянулась через весь город и терялась в предгорьях Алатау. Дом располагался в самом ее конце.

Встретила Алексея Ирина Семеновна. Аня с трехмесячной Алёной лежали в больнице.

– Там очень хороший доктор, – сказала она. – Многих детей на ноги поставил. Нам повезло, успели попасть к нему. Его пригласили работать в Германию, и он через полтора месяца уезжает. Аня извелась вся. Икру бы для нее купить, но с деньгами туго.

– Купим икру, – ответил Алексей. – И доктору заплатим.

В тот же день он побывал в больнице, передал через медсестру две банки черной икры и пять пакетов разных соков. Встретился с врачом и вручил ему двести долларов.

– У вашей дочки послеродовая травма. Виноват акушер, – сказал он. И успокоил: – Надеюсь, что выправим. Ей сейчас необходимы уколы церебролизина, у нас его нет. В аптеках тоже не найдете, только на еврейском рынке.

– Добудем, – заверил Алексей.

– После выписки ребенку потребуется постоянный массаж. И врачебный контроль до двенадцати лет...

Прав был врач: церебролизин оказался в большом дефиците. Однако на рынке Алексею показали пожилого еврея с печальными глазами. Выслушав просьбу, тот спросил:

– Для ребенка?

– Да.

– Приходите в это же время завтра.

На другой день он вручил Алексею три упаковки с лекарством. И даже почти не сбарышничал.

Через полмесяца Алексей привез Аленку и Анюту из больницы. С пристальным вниманием вглядывался в лицо дочери, пытаясь уловить свои черты. У нее заметно выдавался вперед лобик, и покрытая пухом головка казалась несоразмерно большой. Аленушка была на удивление спокойной: не плакала, не кричала, как другие груднички, требуя материнского молока. Анюта каким-то образом угадывала ее желание. Не стесняясь Алексея, выпрастывала из-под кофточки отяжелевшую грудь и совала коричневый сосок в маленький ротик дочки...

От воспоминаний Алексея отвлекло шевеление на соседней полке. Он слегка приоткрыл глаза и увидел, что попутчица спустила на пол голые ноги в мохнатых тапочках с помпонами. Лицо у нее опухло и одрябло. Не глядя, она протянула руку к столику, нащупала коньячную бутылку и глотнула из горла. Так же, не глядя, поставила бутылку и встала. Расстегнула халат – лифчика на ней не было. Сдавила несколько раз пухлыми пальцами могучие груди. Цепко оглядела Алексея. Хрипло спросила:

– Спите?

Он не откликнулся и тут же уловил невысказанное: «Чурбак! Неужели, в самом деле, убил какого-то финансиста?.. Убил – и спокойно дрыхнет!»

Она откатила скрежетнувшую дверь купе и прошлепала в сторону туалета.

Несколько мгновений Алексей лежал с открытыми глазами, ощущая, что все мысли куда-то исчезли. Затем на него мягким кулем навалилась тяжелая дремота, и он погрузился в небытие.

– Ты донор, – беззвучно сказала Оника

– Не понимаю, – послал он ей ответ.

– Тебе знакомо понятие «вампир»?

– Да. Он перегрызает человеку горло и пьет его кровь.

– Вульгарное понимание. Это болезненное отклонение особи от нормы. Вампиризм – потребление чужой энергии. Потребитель крадет ее у донора.

– Можно отличить донора и потребителя по внешнему виду?

– Можно, но не всем. Ты сможешь отличить. По поведению. Метка вампира – себялюбие, склонность к тирании, потакание своим страстям.

– Я тоже потакал своим страстям.

– В каждом человеке уживаются белое и черное. В тебе доминировал донор, и чужой энергией ты не пользовался.

– Как же я восполнял ее?

– Из галактики. Но не всегда успевал это сделать. Потому что нечасто посещал узел координат.

– Я не знаю, где он находится.

– На твоём Острове.

– Ты сказала, что энергию крадут.

– Да. Но отбор энергии происходит незаметно. Теперь у тебя не смогут красть ее. Но подконтрольно и добровольно сможешь отдавать сам.

– А раньше?

– Ты передал новой жизни не только биологический ген. Но и неосознанно перекачал в нее свою энергию, которая уничтожила вирус разрушения...

Пробудился Алексей от скрежета двери: вернулась пьяненькая попутчица. Мельком взглянула на него, отметила: спит, и разобрала постель. Без стеснения стянула с себя павлиний халат, обнажив пышные телеса. Снова бросила на него взгляд. Шумно вздохнула, достала из-под подушки ночную рубашку, облачилась в нее и, погасив свет, улеглась.

Алексей уставился в вагонный потолок и попытался вспомнить свой короткий сон. Он был уверен, что ему привиделось что-то очень важное. Но воспоминание не давалось. В затылке покалывало, однако неприятных ощущений это не вызывало. В сознании мелькали и ускользали чьи-то тени.

Он собрался с силами и сосредоточился. Вагонный потолок стал медленно отодвигаться и окутываться белой дымкой. В этой дымке смутно замаячило женское лицо, показавшееся ему незнакомым и знакомым одновременно. У женщины были зеленоватые волосы, полные чувственные губы и кошачьи глаза. Она пристально глядела на него, и вдруг он явственно услышал:

– Ты передал новой жизни не только биологический ген...

Вот оно! Именно эти слова он слышал в коротком сне. Но это не всё! Знакомая незнакомка напомнила лишь малую часть, только то, что касалось Аленушки.

В первую ночь после выписки из больницы Аня уложила Аленку с собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.